

№ 37. Томъ II. На годъ, съ доставкою и пересылкою—7 руб.; на полгода — 4 руб.; на 3 мѣсяц. — 2 руб. Отдѣльн. №№ по 20 к. С.-Петербургъ, 15 Сентября 1879 года. Адресъ конторы редакціи: С.-П.-бургъ, Новая улица, домъ № 6. Годъ VII.

Золото и имя.

(Романъ шведской писательницы г-жи **Шварцъ**.)

(*Продолженіе.*)

III.



а слѣдующее утро Эльвира, окруженная подушками, сидѣла въ своей комнатѣ; Лотти, читая ей наставленія за непослушаніе, прикладывала компрессы къ ея ногѣ. Фредерикъ находился тутъ же и, вырѣзывая маленькую лодку, шутками старался развеселить Эльвиру и заставить ее забыть боль въ ногѣ. Передъ обѣдомъ стукъ экипажа заставилъ Лотти выглянуть въ окошко.

— Господи, да вѣдь это онъ! вскричала она невольно, вскочивъ со стула.

— Кто такой? спросили Фредерикъ и Эльвира.

— Полковникъ, пробормотала поблѣднѣвшая Лотти.

— Въ самомъ дѣлѣ, это маленькій полковникъ, сказалъ, смѣясь, Фредерикъ.—Вѣрно, пріѣхалъ жаловаться на меня. Пойду послушать.

Выбѣжавъ изъ комнаты, онъ на самомъ порогѣ встрѣтилъ полковника, пріостановившагося при видѣ безсовѣстнаго мальчика, наканунѣ налетѣвшаго на него, какъ ураганъ. Фредерикъ поклонился ему, какъ совершенно незнакомому человѣку. Маленькіе сѣрые глаза полковника заблестѣли при этой безстыдной выходкѣ; трудно рѣшить чѣмъ бы кончилась эта сцена, если бы не подошла пасторша, вышедшая встрѣтить гостя. Добрая женщина находилась въ полномъ невѣденіи о вчерашней выходкѣ сына. Она знала только, что полковничья собака укусила Эльвиру и была увѣрена, что полковникъ пріѣхалъ узнать о здоровьѣ дѣвочки. Фредерикъ отошелъ, какъ только показалась пасторша.

— Какому счастливому обстоятельству обязана я вашимъ посѣщеніемъ, г. полковникъ, сказала пасторша, присѣдая такъ, что Фредерикъ мысленно пожалѣлъ ея колѣни.

— Счастливому, скорѣй несчастному, проворчалъ полковникъ, входя въ домъ. — Я пріѣхалъ жаловаться на этого невѣжу и сказать вамъ, что если вы его порядкомъ не накажете или не ушлете отсюда, то будете имѣть дѣло со мной.

Пасторша до того оторопѣла, что забыла даже попросить полковника войдти; ее привело въ ужасъ, что одинъ изъ ея мальчиковъ подвергся гнѣву человѣка, на котораго она разсчитывала, какъ на своего покровителя въ будущемъ.

Полковникъ вошелъ въ залу, не дожидаясь приглашенія пасторши; несчастная женщина, не успѣвшая придти въ себя, послѣдовала за нимъ, сзади всѣхъ послѣдовалъ Фредерикъ, полагавшій, что его присутствіе необходимо, что очень не понравилось полковнику.

— Убирайся прочь! закричалъ онъ Фредерику, — я пришелъ сюда, чтобы переговорить съ твоею матерью, а не съ такимъ негодяемъ, какъ ты.

— Это дѣло касается меня, отвѣчалъ Фредерикъ, безстрашно смотря прямо въ лицо полковнику, — я останусь и буду защищаться; впрочемъ, никто не имѣетъ права выгонять меня изъ дома моей матери.

— Дитя, ты, должно быть, потерялъ разсудокъ, вскричала пасторша, — развѣ ты не слышишь, что полковникъ приказываетъ тебѣ выйдти.

— Я не обязанъ его слушаться, отвѣчалъ Фредерикъ.

Пасторша не воображала, что могла когда-нибудь такъ разсердиться на одного изъ своихъ сыновей, какъ это случилось въ настоящую минуту. Она дала сильную пощечину любимому сыну и, отворивъ дверь, вытолкнула его.

Полковникъ съ разными прибавленіями разсказалъ про вчерашнюю исторію, какъ дурно себя велъ ея сынъ и какое онъ испорченное созданіе. Полковникъ объявилъ рѣшительное требованіе, чтобы Фредерикъ извинился передъ нимъ и его дочерью или чтобы пасторша выслала его изъ дома; въ случаѣ неисполненія его желаній, онъ откажется отъ устройства судьбы ея старшаго сына; при этомъ пасторшѣ пришлось выслушать строгое наставленіе за дурное воспитаніе, данное дѣтямъ.

Полковникъ ожидалъ, что пасторша сейчасъ же позоветъ сына и заставитъ его извиниться, но достойная женщина знала хорошо, что Фредерикъ не исполнитъ ея требованія объ извиненіи.

— Г. полковникъ, завтра же я отошлю Фредерика, сказала она, глубоко вздохнувъ, — вѣрьте, все это меня глубоко огорчаетъ. Въ наказаніе я буду высылать мальчика отсюда каждый разъ, какъ ваше семейство будетъ жить въ Тимасіо. Всевышній видитъ, какъ его поступокъ огорчаетъ меня и какъ мнѣ больно сознаніе, что вы, полковникъ, недовольны мною.

Пасторша кончикомъ передника утерла слезы и подобострастно объяснила, какую привязанность, благодарность и уваженіе она чувствуетъ ко всей Стангенскіольской фамиліи.

На слѣдующій день пасторша увезла Фредерика въ городъ. Черезъ три дня вернулась она съ четырьмя дѣвочками и нанятою гувернанткой. Черезъ недѣлю явились еще двѣ воспитанницы, всѣ чрезъ посредство Бромера. Преподаваніе началось; Эльвира не выказывала ни особеннаго прилежанія, ни особенной лѣности; но подруги полюбили ее; она готова была отдать имъ все свое, лишь бы доставить имъ удовольствіе.

Надежды пасторши на рекомендацію полковника не осуществились: онъ доставилъ ей только одну воспитанницу, между тѣмъ по рекомендаціи Бромера къ ней поступило восемь воспитанницъ.

Полное спокойствіе царствовало бы въ Альтронѣ, если бы не воспитанница, помѣщенная полковникомъ, ставшая врагомъ всѣми любимой Эльвиры. Дѣвица Армида К... была дворянскаго происхожденія, подготовлена лучше всѣхъ пансіонерокъ, почему считала себя вправѣ гордо обходиться съ остальными подругами. Пробывъ нѣсколько дней въ пансіонѣ и замѣтя всеобщую любовь къ Эльвирѣ, Армида при каждомъ удобномъ случаѣ давала ей почувствовать, какое между ними разстояніе. Сначала Эльвира не обращала на нее никакого вниманія, когда же подруги объяснили ей, что, называя ее дочерью торгаша, Армида коритъ ее ея будто бы низкимъ происхожденіемъ, то Эльвира сама сдѣлалась раздражительна съ Армидою и между ними бывали безпрестанныя ссоры. Наступило Рождество. Счастливыя воспитанницы поѣхали къ родителямъ, остались только Эльвира, Армида и еще двѣ дѣвочки. Въ радостномъ ожиданіи Карла и Фредерика, которые должны были провести праздники дома, Эльвира забыла даже о своей враждѣ. Карлъ сталъ судьей ссоръ ея съ подругой. Эльвира была очень довольна, что Армида почти всегда оказывалась виновною. Фредерикъ же, чувствовавшій отвращеніе ко всему, что имѣло какое-нибудь отношеніе къ Стангенскіольдамъ, находилъ удовольствіе раздражать Армиду и дѣлать ей непріятности. Неудовольствія и ссоры дошли до того, что пасторша и наставница принуждены были вмѣшаться. Армидѣ запретили называть Эльвиру—дочерью торгаша, а Эльвирѣ Армиду—побирушкой. Фредерикъ получилъ отъ матери отдѣльное наставленіе и спокойствіе возстановилось, что однако не мѣшало врагамъ при встрѣчѣ наединѣ выражать накопившуюся злость.

Армида желала удалиться изъ пансіона, но была сиротой съ маленькими средствами, и опекуны, находившіе плату у пасторши очень умѣренною, слышать не хотѣли о переводѣ ее въ

другое заведеніе. Эльвира чувствовала себя какъ нельзя лучше въ Альтропѣ и, не смотря на всѣ преслѣдованія Армиды, не желала покинуть мѣста, гдѣ всѣ были съ нею дружны и любезны. Также судила и Лотти, которую высокомѣріе Армиды сердило болѣе, чѣмъ саму Эльвиру. Годъ проходилъ за годомъ и обѣ враждующія дѣвочки оставались подъ одною кровлею.

Прошло шесть лѣтъ съ того времени, какъ Эльвира находилась у пасторши; ей минуло 15 лѣтъ; она очень выросла; цвѣтъ лица у нея былъ прекрасный; коса густая и длинная. Армида, бывшая двумя годами старше Эльвиры, окончила свое воспитаніе, но еще осталась въ пансіонѣ, сердясь и изумляясь, отчего опекуны не берутъ ее отсюда. Теперь пансіонъ уже пользовался завидною репутаціею; въ немъ было двадцать пять воспитанницъ и три учительницы. Полковникъ Стангенскіольдъ все это время проводилъ за-границей. Дочь его воспитывалась въ Парижѣ.

Была половина лѣта. Пансіонъ пасторши стоялъ пустымъ; большая часть воспитанницъ разъѣхалась по домамъ; между оставшимися находились Армида и Эльвира. Карлъ и Фредерикъ, уже студенты, это лѣто проводили дома.

Однажды вечеромъ Армида, очень красивая дѣвушка, сидѣла на Альтропскомъ дворѣ, оживленно разговаривая съ Карломъ.

— Неужели ты думаешь, что Эльвира похорошѣетъ? спросила Армида.

— Я увѣренъ, что въ твои года она будетъ очень хорошенькой дѣвушкой, увѣрялъ ея Карлъ.

— Я не раздѣляю твоего мнѣнія; теперь она совсѣмъ некрасива, трудно ей преобразиться; притомъ же она имѣетъ препепріятный характеръ. Ты говоришь, она сдѣлаетъ блестящую партію, увидишь, ты ошибешься.

— Ты многое забываешь, моя милая Армида, сказалъ Карлъ. — Во-первыхъ, она богата, во-вторыхъ, все-таки красивая и пріятная дѣвушка; вѣроятно, никто, кромѣ тебя, не находитъ ее противной, неразвитой и злой. Ты ослѣплена ненавистью.

— Ненавистью, сказала Армида, — да за что мнѣ ненавидѣть ее.

— Ты завистлива.

— Я завидую дочери торгаша! вскричала она.—Развѣ дѣвушка моего происхожденія можетъ завидовать дочери ростовщика. Какъ ни люблю я тебя, но ты мнѣ смѣшонъ своимъ снисхожденіемъ къ Эльвирѣ. Мнѣ кажется, сынъ пастора стоитъ слишкомъ высоко, чтобы выступать защитникомъ такой дѣвушки.

— Такой дѣвушки, повторилъ Карлъ, смѣясь,— я вижу ты ничего не понимаешь. Эльвира любима всѣми, исключая тебя. У тебя еще и тѣни жениха не будетъ, когда Эльвира выйдетъ за графа или барона.

— Пустяки! я смѣло могу поклясться, что ни одинъ даже самый бѣдный дворянинъ не рѣшится жениться на ней.

— Можешь быть спокойною, милая Армида; послышался веселый голосъ,—никогда не выйду я за графа или барона; мой мужъ долженъ быть маршаломъ Франціи, грандомъ Испаніи или пэромъ Англіи, вообще настоящимъ аристократомъ, твои же графы, бароны — голодающая знать, бѣдны, какъ церковныя мыши, и высокомѣрны, какъ индѣйскіе пѣтухи.

— Я не имѣю привычки спорить съ дѣтьми, а въ особенности съ тобой, отвѣчала Армида;— твои грубыя слова показываютъ твое происхожденіе; твои манеры ясно говорятъ, что ты дочь закладчика. Напрасно отецъ твой тратитъ деньги на твое воспитаніе; отъ тебя всегда будетъ пахнуть тряпьемъ изъ лавки.

И Армида встала, желая удалиться, но Эльвира остановила ее.

— Напрасно ты желаешь оскорбить меня, сказала она,—я вовсе не желала сказать тебѣ что либо непріятное. Я пришла сюда затѣмъ, чтобы передать тебѣ письмо изъ Тимасіо, вѣроятно, съ пріятными извѣстіями, такъ какъ человѣкъ, принесшій его, сказалъ, что карета пріѣдетъ за тобою къ 10 часамъ. Я услыхала невольно твои слова.

Сказавъ это, Эльвира ушла. Она направилась къ бухтѣ и остановилась у самаго берега. Дулъ свѣжій вѣтерокъ, большія волны, пѣнясь, съ шумомъ разбивались о скалистый берегъ. Эльвира сѣла, закрыла лицо руками и задумалась.

«Глубоко въ морѣ на брилліантовой скалѣ», пѣлъ молодой голосъ въ лѣсу. Эльвира, поднявъ голову, стала прислушиваться; пѣвецъ приближался; пристально посмотрѣвъ, она увидала длиннаго худого юношу съ ружьемъ черезъ плечо и сумкою на боку.

— Фредерикъ, позвала Эльвира.

Пѣніе прекратилось.

— Ахъ, это ты Эльвира, что ты дѣлаешь здѣсь одна; у тебя слезы на глазахъ, продекламировалъ онъ, бросивъ сумку,—прозакладываю своихъ зайцевъ, что вы опять поспорили съ Армидой; охота тебѣ обращать на нее вниманіе. Отгадалъ я? Тебя заставила плакать эта любезная дѣвица?

— Да, Фредерикъ, не въ первый разъ затрогиваетъ она моего отца, отвѣчала Эльвира,— онъ же всегда такъ добръ ко мнѣ. Мнѣ самой досадно, зачѣмъ я плачу. Да, я непремѣнно хочу и должна сдѣлаться графиней, чтобы показать Армидѣ, что...

— Что ты дурочка, прервалъ ее Фредерикъ, смѣясь.—Не понимаю, къ чему тебѣ такъ необходимо сдѣлаться графиней. Ты должна думать о томъ, чтобы сдѣлаться честнымъ, хорошимъ человѣкомъ, а ты только развиваешь въ себѣ тщеславіе.

— Ты правъ, я постараюсь послѣдовать твоему совѣту, но удастся-ли мнѣ сдѣлаться лучшей... я такая дрянная... Знаешь, полковникъ пріѣхалъ въ Тимасіо.

— Полковникъ! вскричалъ Фредерикъ, вскочивъ.—Завтра-же уѣду отсюда. Я не долженъ съ нимъ встрѣчаться, пока не пріобрѣту опредѣленнаго положенія въ жизни.

— Видишь, Фредерикъ, ты не можешь забыть сдѣланное тебѣ зло; а хочешь, чтобы я...

— Была лучше меня; да, мнѣ этого хочется, сказалъ Фредерикъ, смѣясь;—ты женщина, потому должна быть добрѣе меня.

На другой день Фредерикъ уѣхалъ къ одному изъ своихъ товарищей, а Армида отправилась на нѣсколько недѣль въ Тимасіо, компаньонкою Марты.

Отсутствіе Армиды нисколько не успокоило Эльвиру, напротивъ, она еще больше стала раздумывать о своемъ положеніи, особенно когда и Карла черезъ нѣсколько дней пригласили въ Тимасіо. Карлъ вообще былъ милымъ юношею, имѣвшимъ способность располагать всѣхъ къ себѣ; онъ съумѣлъ понравиться всѣмъ въ Тимасіо и жена и дочь полковника просили его посѣтить ихъ поскорѣй.—Карлъ бывалъ тамъ каждый день.

Марта, очень красивая дѣвушка, ровестница Армиды, была опасна для такого юноши, какъ Карлъ. Капризная, избалованная, властолюбивая, но талантливая, она умѣла уже завлекать мужчинъ. Эльвира, ревнуя, страдала отъ мысли, что Карлъ совсѣмъ забылъ ее; во всемъ она обвиняла Армиду. Ревность ожесточала ее, а за отъѣздомъ Фредерика ей не съ кѣмъ было подѣлиться горемъ. Веселость и рѣзвость ея пропали, она сдѣлалась нетерпѣлива и постоянно не въ духѣ, такъ что Лотти, которой за наставленія доставалось больше всѣхъ, не могла понять, что дѣлалось съ ребенкомъ и рѣшилась написать Бромеру, прося его пріѣхать поговорить съ Эльвирою.

Едва успѣла Лотти отправить свое посланіе, какъ вошла Эльвира съ предложеніемъ пройти къ одному бѣдному семейству. Она собрала разной мелочи для маленькихъ дѣвочекъ.

Выйдя изъ березовой рощи, Эльвира увидѣла, что имъ на встрѣчу идетъ цѣлое общество изъ Тимасіо. Она до сихъ поръ старательно избѣгала семейства полковника, помня первую встрѣчу; теперь же чувствовала непреодолимое желаніе увидать Карла съ Мартой. Ускоривъ шаги Эльвира, задыхаясь, прошла мимо нихъ. Марта шла, облокотясь на руку Армиды, съ лѣвой стороны шелъ Карлъ. Поровнявшись съ Эльвирою, Армида отвернулась, не желая кланяться, Карлъ же, снявъ фуражку, дружески кивнулъ ей, что заставило Марту окинуть дѣвочку испытующимъ взглядомъ. Эльвира услыхала, какъ она спросила его, кому онъ кланяется.

— Это дочь торгаша, про котораго я тебѣ говорила, отвѣчала Армида.

Остальное общество, подъ впечатлѣніемъ словъ Армиды, прошло, не обращая на Эльвиру никакого вниманія; такъ бы она и осталась незамѣченною, если бы ее не заставилъ обернуться полковникъ, сказавшій:

— Это Лотти, если я не ошибаюсь.

Полковникъ и какая-то дама подошли къ Лотти, спокойно стоящей у рва.

— Да это Лотти, сказала дама грустнымъ тономъ, какъ показалось Эльвирѣ;—очень рада видѣть тебя, прибавила она любезно,—я часто желала узнать, гдѣ ты находишься.

— Ваша милость, очень добры, пробормотала Лотти.

— Гдѣ ты жила, милая Лотти, все это время, спросилъ полковникъ.

— Я 15 лѣтъ служу у г. Бромера, отвѣчала Лотти, поднявъ голову.

— Пятнадцать лѣтъ! Значитъ ты поступила къ нему черезъ три года, послѣ того, какъ отошла отъ свекра.

— Да я поступила къ г. Бромеру въ годъ смерти сестрицы вашей милости, сказала Лотти, пристально смотря на полковницу.

— Хорошо-ли тебѣ живется? кто твой господинъ? живо перемѣняя разговоръ, спросилъ полковникъ.

— Онъ купецъ, отвѣчала Лотти и, поклонившись, хотѣла отойти, но полковникъ удержалъ ее вопросомъ:

— Твой господинъ живетъ здѣсь?

— Нѣтъ, дочь его воспитывается въ Альтропѣ.

Сказавъ это, Лотти поспѣшно догнала Эльвиру, которая стала разспрашивать, отчего она никогда не говорила о томъ, что жила у отца полковницы, кто такая сестра ея? Лотти отвѣчала, что ничего не скажетъ, такъ какъ Эльвирѣ до нихъ нѣтъ никакого дѣла. Впрочемъ, любопытство Эльвиры прошло очень скоро. Она вообразила себя несчастнымъ созданіемъ, потому что Марта красивѣе ея, что Армида говорила про нее презрительнымъ тономъ. Всѣ презирали ее за отца; Карлъ и тотъ совсѣмъ забылъ ее. «Ахъ, какъ бы я была счастлива, думала Эльвира, сдѣлавшись красивѣе этой дѣвушки въ глазахъ Карла и знатною, чтобы Армида считала за честь кланяться мнѣ».

На другой день пріѣхалъ Бромеръ; Эльвира открыла ему свое горе; какъ ее огорчало напоминаніе объ ея низкомъ происхожденіи и какъ бы она желала имѣть хорошую фамилію.

— Потерпи, черезъ два года я доставлю тебѣ все, что ты желаешь, но будешь-ли ты отъ этого счастливѣе? отвѣчалъ Бромеръ.—Два года пройдутъ скоро, я же имѣю достаточно денегъ, чтобы купить тебѣ имя.

Бромеръ страстно любилъ дѣвочку и баловалъ ее до слабости. Чѣмъ старше становилась она,

тѣмъ менѣе замѣчалъ онъ ея недостатки и всѣми силами старался доставить ей, чего бы она ни пожелала. По его мнѣнію, она была существомъ, для котораго весь міръ долженъ былъ служить средствомъ пріобрѣтенія богатства и счастья.

Одни хорошія качества Эльвиры удерживали ее отъ дурныхъ послѣдствій слабости отца и обожанія Лотти. Никто не старался внушить ей, что истинно честный человѣкъ долженъ любить ближняго, умѣть управлять своими чувствами и обуздывать свои желанія, ставить пользу общую выше собственной. Лотти не умѣла внушить Эльвирѣ уваженіе къ отцу. Она учила дѣвочку поступать съ ближнимъ хорошо, чтобы и ее не обижали, помогать ближнимъ и не дѣлать зла, чтобы не разсердить Бога. Сама же всегда сожалѣла о томъ, что Эльвира не родилась знатною, такъ что съ малолѣтства возбуждала ея стремленіе къ тому, чего не доставало ей, по ея мнѣнію. Стремленіе, зароненное Лотти, обратившееся въ страстное желаніе отъ презрительныхъ словъ Армиды, имѣло значительное вліяніе на судьбу Эльвиры.

Прошелъ еще годъ. Армида оставалась компаньонкой Марты. Карлъ и Фредерикъ весь годъ не пріѣзжали домой. Бромеръ же не могъ покинуть дѣлъ до осени.

Здоровье Бромера очень ослабло; доктора посовѣтывали ему перемѣну климата, такъ что онъ рѣшился, закрывъ лавку, отправиться за-границу года на два и заняться дѣлами въ большихъ размѣрахъ.

Наступилъ іюнь. Карла, кончившаго курсъ, ожидали дома. Эльвира вышла встрѣчать его и Фредерика къ мосту, съ котораго упала въ дѣтствѣ. Шестнадцати-лѣтняя дѣвушка, начитавшаяся съ подругами романовъ, была увѣрена, что счастье и несчастье ея жизни зависитъ отъ любви Карла, ею обожаемаго. Лодка причалила, Эльвира даже не обратила вниманія на Фредерика, выскочившаго первымъ изъ лодки, а молча протянула обѣ руки Карлу, поразившемуся ея красотою.

— Господи, да я едва узнаю тебя, Эльвира, какъ ты похорошѣла, сказалъ Карлъ, цѣлуя ея маленькія руки.

Іюнь, іюль прошли, какъ сонъ. Вскорѣ признавшись въ любви, молодые люди пользовались счастьемъ и иллюзіями первой юношеской любви; строили воздушные замки, какъ по пріѣздѣ Бромера Карлъ будетъ просить ея руки и какъ они обвѣнчаются по пріѣздѣ изъ-за-границы. Эльвира забыла всѣ мечты о знатности, мечтая о Карлѣ. Но этотъ прекрасный сонъ живо разсѣялся извѣстіемъ о пріѣздѣ Стангенскіольда въ Тимасіо. Эльвира не въ силахъ была скрыть своего страха, когда на другой день по ихъ пріѣздѣ Карлъ отправился съ визитомъ. Она просила его въ доказательство любви не ходить въ Тимасіо, но Карлъ увѣрялъ ее, смѣясь, что любовь его къ Мартѣ была одною вспышкою и что хотя онъ любитъ Эльвиру больше всего въ мірѣ, все же ради приличія долженъ принести жертву и сходить въ Тимасіо. Впродолженіи двухъ недѣль онъ посѣщалъ Тимасіо каждый день; Эльвира мучилась безпокойствомъ и ревностью.

Наконецъ пришло письмо отъ Бромера съ извѣстіемъ объ отъѣздѣ за-границу. Лотти и Эльвира усердно принялись работать, спѣша приготовить все необходимое къ путешествію.

По полученіи письма Карлъ три дня сидѣлъ дома, не посѣщая Тимасіо, былъ любезенъ и предупредителенъ съ Эльвирою, но всегда спѣшилъ перемѣнить разговоръ, какъ только она заговаривала о свадьбѣ.

Однажды рано утромъ Карлъ исчезъ; на вопросъ Эльвиры, ей отвѣтили, что онъ ушелъ на охоту; она собралась встрѣтить его, но вернулась, узнавъ отъ крестьянской дѣвочки, что его видѣли въ полковничьемъ обществѣ. Придя въ свою комнату, она горько заплакала, бросившись на диванъ; вдругъ услыхала громко спорящихъ Фредерика съ матерью.

— Карлъ поступаетъ подло, говорилъ Фредерикъ съ сердцемъ;—не понимаю, какъ можно его защищать.

— Милый мой, отвѣчала пасторша,—ты слишкомъ строго смотришь на вещи, а то бы понялъ, что разумъ заставляетъ его такъ дѣйствовать. Эльвира можетъ быть хорошей партіей, если не представляется лучшей, если же она возможна, то было бы сумасшествіемъ сдѣлаться зятемъ ростовщика. Ему всегда будетъ неловко при вопросѣ о происхожденіи его жены.

— Матушка, ты не думаешь того, о чемъ говоришь,—воскликнулъ Фредерикъ,—мнѣ больно думать, что моя мать такъ безсердечна и эгоистична.

— Глупости, Фредерикъ, я только благоразумна.

— Если это называется разумомъ, то разумъ отвратителенъ. Карлъ, считая Эльвиру неподходящею партіею, не долженъ былъ представлять изъ себя влюбленнаго.

— Постой Фредерикъ, посмотримъ на это обстоятельство съ другой стороны. Рѣшился-ли бы ты жениться на дочери Бромера.

— Конечно, если бы любилъ ее.

— Очень же ты любишь деньги, если рѣшился бы не обращать вниманіе на двусмысленную репутацію Бромера. Ты также разсчетливъ, какъ братъ, но тотъ желаетъ большаго, а именно положенія и имени.

— Неправда, мама, я никогда не женюсь на деньгахъ и на мѣстѣ Карла я не обманулъ бы Эльвиру.

Эльвира была оглушена, она почувствовала страшную боль въ груди, она слушала, не понимая. Въ это время вошелъ къ ней Карлъ.

— Вотъ и я, моя милая незабудка, сказалъ онъ, обнявъ Эльвиру, сидѣвшую съ опущенною головою.—Очень сердилась ты на меня, что я ушелъ такъ рано? Прости меня, я сдѣлалъ сегодня большую ошибку, скрывъ отъ тебя свое обѣщаніе выѣхать съ полковникомъ. Я не имѣлъ силы огорчить тебя, потому и рѣшился, вернувшись, сознаться тебѣ во всемъ.

Карлъ замолчалъ, ожидая, что Эльвира обернется и посмотритъ на него, но ошибся: она сидѣла, не шевелясь.

— Неужели ты до сихъ поръ сердишься, милая, покажи мнѣ твое личико. Твой Карлъ ничего такого не сдѣлалъ, чтобы разгнѣвать тебя.

— Мой? повторила Эльвира.

Она взглянула ему прямо въ глаза, всѣ сомнѣнія разлетѣлись, нѣтъ, онъ не обманываетъ ее, онъ непохожъ на обманщика. Она не такъ поняла пасторшу или пасторша не поняла сына. Нѣтъ, это просто недоразумѣніе, происшедшее отъ ея ревности къ Мартѣ. Обнявъ Карла и приложивъ свою щеку къ его лицу, Эльвира прошептала:

— Да, ты мой и всегда останешься моимъ. Я виновата, подозрѣвая тебя.

—Подозрѣваешь? повторилъ, улыбаясь, Карлъ,—въ чемъ ты меня подозрѣваешь?

— Въ томъ, что ты не любишь меня.

— Какія глупости, сказалъ Карлъ, цѣлуя ее въ щоку. При этомъ поцѣлуѣ Эльвира поспѣшно отодвинулась, сказавъ:

— Сядь тутъ, мнѣ надо съ тобой поговорить.

— Ну, милая, объ чемъ же мы будемъ говорить, сказалъ Карлъ съ такимъ счастливымъ лицемъ, что Эльвира отвернулась, желая остаться спокойной.

— Я хочу знать серьезно: жалѣешь ты о томъ, что обѣщалъ жениться на мнѣ?

Эльвира пристально смотрѣла на покраснѣвшаго Карла, казавшагося очень недовольнымъ.

— Ты имѣешь большой недостатокъ, Эльвира, сказалъ онъ,—ты всегда заглядываешь въ будущее. Будемъ пользоваться настоящимъ.

— Карлъ, три недѣли тому назадъ ты первый заговорилъ объ этомъ и съ нетерпѣніемъ ждалъ отца, чтобы скорѣе сдѣлать ему предложеніе.

— Ну да, это было очень естественно и я не понимаю, что значатъ твои вопросы?

— Мнѣ кажется, ты перемѣнилъ мнѣніе; если это справедливо, будь честенъ, скажи прямо, прошу тебя.

— Если тебѣ такъ хочется, изволь. Я нахожу, что мнѣ, двадцати двухъ-лѣтнему юношѣ, слишкомъ рано жениться на шестнадцати-лѣтней дѣвушкѣ. Намъ гораздо лучше поговорить о бракѣ, когда ты вернешься изъ-за-границы. Теперь же перестанемъ тревожиться и будемъ счастливы.

Карлъ хотѣлъ взять Эльвиру за руки, но она отдернула ихъ.

— По пріѣздѣ изъ-за-границы ты также не захочешь жениться на мнѣ, сказала она,—оттого, что я низкаго происхожденія; я слыхала, какъ твоя мать говорила это. Ты намѣренъ жениться на Мартѣ, но я скажу ей, какой ты фальшивый человѣкъ, тогда она сама не захочетъ знать тебя.

— Ты сама захотѣла, такъ слушай же. Я былъ бы счастливъ, имѣя тебя женою, но репутація твоего отца такъ дурна, что можетъ повредить моей служебной карьерѣ. Пробудьте два года за-границей, объ ростовщикѣ Бромерѣ забудутъ, въ особенности если мы обвѣнчаемся заграницей и твой отецъ займется чѣмъ-нибудь другимъ. Что намъ стоитъ подождать два года?

— Значитъ, ты стыдишься имени моего отца? прошептала Эльвира.

— Послѣдніе годы твой отецъ занимался дѣлами, доставившими ему много денегъ и презрѣніе всѣхъ порядочныхъ людей; мнѣ сказали это у Стангенскіольдовъ. Пока не прекратится худая молва о немъ, никакой порядочный чаловѣкъ не захочетъ породниться съ нимъ. Это большое несчастье, но...

— Довольно! вскричала Эльвира,—ни слова болѣе о моемъ отцѣ. Слушай. Если потомъ ты на колѣняхъ станешь умолять меня быть твоей женой, я отвѣчу: никогда! Насъ раздѣляетъ имя отца; я не забуду и не прощу! Богъ справедливъ, Карлъ, онъ накажетъ тебя.

Эльвира убѣжала.

— Досадно, сказалъ Карлъ,—впрочемъ, лучше, что разрывъ произошелъ до пріѣзда отца; я не настолько люблю эту дѣвушку, чтобы рѣшиться имѣть свекромъ Бромера, будь онъ вдвое богаче.

Карлъ черезъ полчаса отправился въ Тимасіо. Тамъ онъ проводилъ каждый день. Эльвира выходила изъ своей комнаты, когда была увѣрена, что не встрѣтиться съ нимъ. Она совсѣмъ перемѣнилась, не улыбалась, глаза ея покраснѣли отъ слезъ, щеки поблѣднѣли. Лотти никакъ не могла добиться отъ своей любимицы, чего ей не доставало, на всѣ вопросы Эльвира отвѣчала, что здорова, усердно работала и только выражала желаніе поскорѣе уѣхать изъ Альтропа.

(Продолженіе будетъ.)

Условія успѣшности труда *).

Чтобы народъ имѣлъ возможность сдѣлаться богаче, совсѣмъ не все равно, какую часть свѣта займетъ онъ—поселится на сѣверѣ или на югѣ, у тропиковъ или подъ сѣвернымъ полюсомъ. Намъ, новгородскимъ славянамъ, посчастливилось, какъ кажется, меньше другихъ въ этомъ отношеніи.

*) См. №№ 28, 30, 32 и 34.

Всѣ европейскіе народы заняли мѣста привольныя, въ умѣренномъ или тепломъ климатѣ, только новгородскіе славяне тянулись постоянно куда-то къ верху къ сѣверу, къ Ледовитому океану да въ Сибирь, т. е. въ такія мѣстности, которыя по климатическимъ и почвеннымъ условіямъ представляютъ не слишкомъ много удобствъ и возможностей для экономическаго благосостоянія. Лѣсисто-болотистая и степная равнина, которую составляетъ территорія Россіи, по сравненію съ другими мѣстностями Европы, обладаетъ очень скудными естественными богатствами. Напримѣръ, Англія имѣетъ островное положеніе, представляющее большое удобство для развитія мореплаванія, а слѣдовательно и торговыхъ сношеній. Маленькій островокъ, не особенно богатый плодородной почвой, которая бы могла создать сильную земледѣльческую промышленность, Англія должна была стремиться къ поддержанію своего экономическаго существованія частью развитіемъ внѣшнихъ сношеній, а частью подчиненіемъ себѣ другихъ народовъ. И вотъ владѣльцы небольшого островка становятся, наконецъ, властителями міра и подчиняютъ себѣ двѣ трети земнаго шара, въ которыхъ преобладаетъ англійскій языкъ. Естественныя богатства Англіи играли не меньшую роль въ ея экономическихъ судьбахъ. Ни одна мѣстность въ Европѣ не владѣетъ такимъ изобиліемъ минеральныхъ богатствъ, какъ Англія. Каменно-угольные пласты ея при самомъ нерасчетливомъ пользованіи дадутъ матеріала болѣе, чѣмъ на 1000 лѣтъ. Рядомъ съ неистощимыми залежами каменнаго угля лежатъ такіе же громадные запасы желѣзной руды. При недостаточномъ плодородіи почвы эти два естественныя богатства Англіи должны были обнаружить рѣшительное вліяніе на характеръ ея промышленной дѣятельности. И вотъ Англія слагается въ фабричную страну, страну машиннаго производства, въ страну, изобрѣтательность которой направлена преимущественно на то, чтобы по возможности овладѣть силами природы.

Франція находится въ иныхъ условіяхъ. Ея почва значительно лучше, климатъ мягче, естественныя богатства лежатъ не столько въ нѣдрахъ земли, сколько могутъ быть извлечены изъ ея верхняго слоя. И вотъ Франція является страной преимущественно агрикультурной и промышленность ея получаетъ туземный характеръ; она роститъ виноградъ, разводитъ красильныя и ароматическія растенія, создаетъ тутовыя плантаціи. Умъ ея промышленнаго населенія, направленный на эксплуатацію внутреннихъ средствъ, стремится къ спеціальному развитію, къ возвышенію личной даровитости. И французскій производитель является наиболѣе умнымъ работникомъ, съ развитымъ вкусомъ, подвижной и изобрѣтательной мыслью; онъ становится во главѣ промышленностей, удовлетворяющихъ болѣе тонкимъ потребностямъ человѣчества.

Нѣмцы занимаютъ территорію съ умѣреннымъ климатомъ, соединяющую въ себѣ условія Англіи и Франціи, но далеко въ меньшей степени. У нѣмцевъ есть и минеральныя богатства, но не въ такомъ количествѣ, какъ въ Англіи. У нихъ есть и плодородная почва, но не столько благопріятная, какъ во Франціи. Наконецъ, и по своему болѣе континентальному положенію Германія не владѣетъ тѣми удобствами сношеній, которыя даютъ Англіи ея островное положеніе. Но за то у Германіи есть лѣса. Ея почва удобнѣе для производства обыкновенныхъ хлѣбовъ. И вотъ Германія становится страною, въ которой земледѣліе и вообще сельско-хозяйственная и лѣсная культура играютъ главную роль.

Положеніе Россіи наименѣе благопріятно въ климатическомъ и почвенномъ отношеніяхъ для развитія тѣхъ родовъ промышленностей, которыя создали для Англіи ея міровое торговое значеніе, а изъ Франціи сдѣлали страну, взявшую на себя удовлетвореніе болѣе тонкихъ и развитыхъ потребностей вкуса и изящества. Громадное количество лѣсовъ, тундръ и болотъ не могли дѣйствовать благопріятно ни на развитіе потребностей, ни на особенное развитіе силъ въ борьбѣ съ природой. Степной югъ и вѣчное столкновеніе съ кочевниками придали экономической культурѣ населенія тоже своеобразный характеръ. Все это отразилось не только на внѣшнемъ, но и на внутреннемъ бытѣ русскаго населенія. Дерево явилось у насъ главнѣйшимъ матеріаломъ, который удовлетворялъ не хитрымъ, первобытнымъ нуждамъ населенія и до сихъ поръ сохранило тотъ же характеръ. Россія и до сихъ поръ страна деревянная; она живетъ въ деревянныхъ домахъ и ѣстъ изъ деревянныхъ чашекъ, деревянными ложками. Минеральныя богатства наши совершенно ничтожны да и тѣ лежатъ на окраинахъ. Почва способна производить почти исключительно хлѣбныя растенія и служить пастбищами для скота. И вотъ Россія слагается въ страну земледѣльческую и скотоводственную и втеченіи тысячелѣтней своей исторіи остается вѣрна себѣ. Она и до сихъ поръ еще не вступила во второй фазисъ экономическаго роста — въ періодъ промышленной жизни. Тугому развитію Россіи содѣйствовало ея континентальное положеніе и континентальная замкнутость отъ остальнаго міра. Единственный водный путь, которымъ располагала до-Петровская Россія, была Волга; но и этотъ путь былъ путемъ въ Азію. Поэтому понятно, что Петръ Великій прежде всего подумалъ добыть для Россіи моря.

Читатель можетъ замѣтить, что вліяніе естественныхъ богатствъ и положеніе страны вовсе не играютъ первенствующей роли въ экономическихъ судьбахъ народа. Онъ можетъ сослаться на примѣры древняго міра, когда процвѣтали промышленные города, подобные Карфагену, не пользовавшемуся естественными богатствами своей мѣстности. Читатель будетъ точно также справедливъ, если онъ сошлется на испанцевъ, итальянцевъ, турокъ, помѣстившихся въ благословенныхъ уголкахъ Европы, но далеко недостигшихъ такого экономическаго благосостоянія и промышленной силы, какъ англичане, французы или нѣмцы. Значитъ, очевидно, что если естественными богатствами страны частью и обусловливается возможность ея экономическаго развитія, то однихъ естественныхъ богатствъ недостаточно и должны дѣйствовать еще какіе-то факторы, отъ которыхъ зависитъ благосостояніе народовъ.

На экономическую судьбу народовъ вліяютъ очень многія и сложныя обстоятельства и потому нельзя выдѣлить одинъ какой-нибудь агентъ и только ему приписывать исключительное вліяніе на всю экономическую судьбу народа. Богатство и экономическое благосостояніе націи зависитъ отъ множества условій и потому все то, что вліяетъ на развитіе всѣхъ бытовыхъ условій, вліяетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и на экономическое благосостояніе. Самымъ вліятельнымъ агентомъ является совокупность условій, благопріятныхъ для развитія умственныхъ и нравственныхъ качествъ населенія. Недостаточно, чтобы народъ жилъ въ мѣстности, обладающей плодородной почвой и превосходнымъ климатомъ. Почва нашихъ степей необыкновенно плодородна и въ своемъ плодородіи не уступитъ, конечно, ни чернозему Турціи, ни чернозему Венгріи, ни чернозему дунайскихъ княжествъ. Почва Китая отличается тоже такимъ могущественнымъ плодородіемъ и такими необыкновенными урожаями, какихъ ужь, конечно, не представляетъ почва Англіи. Ясно, слѣдовательно, что не плодородіе почвы играетъ главную роль въ благосостояніи народовъ, а что-то такое другое. Это «другое» заключается въ физической и умственной энергіи, которую проявляетъ народъ въ примѣненіи къ разработкѣ естественныхъ богатствъ своей страны.

Въ примѣръ трудовой энергіи и экономической настойчивости приводятъ обыкновенно англичанъ, а въ противоположность имъ выставляютъ сѣверо-американскаго индѣйца. Индѣецъ хотя и можетъ довести свои умственныя и физическія силы до величайшаго напряженія, но, удовлетворивъ своимъ первымъ нуждамъ, онъ впадаетъ въ полнѣйшую праздность. Ясно, что одной безразличной энергіи еще недостаточно, чтобы достигнуть богатства. Нашъ земледѣлецъ во время страды доводитъ свою энергію до напряженія, едва-ли извѣстнаго нѣмцу, французу и англичанину, а между тѣмъ результаты этой энергіи оказываются самыми ничтожными. Говорятъ еще, что энергія должна имѣть въ виду удовлетвореніе отдаленныхъ цѣлей, а не самыхъ ближайшихъ и насущныхъ. Чтобы цивилизовать дикаря, нужно внушить ему новыя потребности и желанія. Народъ, находящійся на минимумѣ потребностей и способный удовлетворяться полудикимъ складомъ жизни, никогда не достигнетъ экономическаго благосостоянія. Это совершенно вѣрно. Но также вѣрно и то, что желанія и стремленія народа къ новымъ удовлетвореніямъ должны быть настолько сильны, чтобы могли преодолѣть препятствія, мѣшающія успѣшности труда. Какъ бы ни былъ энергиченъ трудъ, но если препятствія, мѣшающія его успѣшности, оказываются сильнѣе экономической настойчивости — энергія народа только разобьется о препятствія, но не создастъ ничего и народъ цѣлыя тысячелѣтія можетъ оставаться въ положеніи полудикости. Нужно, чтобы явился какой-нибудь новый стимулъ, обладающій особенной живучестью, чтобы народъ, не смотря на всѣ препятствія, могъ бы поддержать въ себѣ энергію. Въ послѣднее время часто слышатся обвиненія русской деревни въ томъ, что она стала гоняться за щегольствомъ. Конечно, щегольство нельзя считать похвальною склонностью, достойною поощренія; но если не существуетъ въ народѣ другихъ стимуловъ и только щегольство, вызывая новыя стремленія, подымаетъ потребности, а съ ними возбуждаетъ энергію труда, то едва-ли къ щегольству справедливо относиться съ моральной суровостью. Стремленіе деревни къ щегольству, не больше какъ извѣстная форма борьбы за существованіе, направленная къ высшимъ удовлетвореніямъ и во всякомъ случаѣ имѣющая прогрессивный характеръ. Прежній житель деревни думалъ только о насущномъ кускѣ хлѣба и его желанія не шли дальше ѣды, питья и самыхъ грубыхъ наслажденій. Стремленіе къ щегольству, не смотря на всѣ его недостатки, является потребностью высшею, чѣмъ прежнее удовлетвореніе однихъ физіологическихъ потребностей. Если прежняя энергія труда поглощалась только ближайшими надобностями, если мысль и вкусъ не находили себѣ удовлетворенія, если, наконецъ, препятствія были настолько сильны, что подавленный ими рабочій не могъ глядѣть дальше завтрашняго дня, то, конечно, надо радоваться, что въ русской деревнѣ пробуждается вкусъ къ щегольству, потому что хотя этимъ путемъ энергія труда получитъ новую пищу и новыя потребности и создастся новый спросъ на трудъ.

Страна, самая богатая естественными богатствами, можетъ быть очень бѣдной страной, если она не знаетъ, какъ извлечь пользу изъ своихъ естественныхъ богатствъ. Въ Америкѣ всегда былъ тотъ же климатъ, таже почва, таже растительность, что и нынче, но потребовалось, чтобы въ нее переселились англичане, чтобы страна стала тѣмъ, что она есть. Американецъ вытѣсняетъ европейскаго рабочаго съ его рынка, онъ конкурируетъ со всѣмъ и всѣми. Онъ сталъ снабжать даже теперь Европу своимъ хлѣбомъ и



Іосифъ Крашевскій. Рѣзалъ на деревѣ **А. Регульскій** въ Варшавѣ.

скотомъ. Нѣтъ культуры, которой бы не овладѣлъ американецъ. Онъ заваливаетъ Европу своимъ сырьемъ, заваливаетъ ее и своими издѣліями. Но вѣдь американецъ созданъ по тому же подобію, какъ французы, англичане, и какъ мы, русскіе. Русскій, перенесенный въ Америку, работаетъ не хуже американца. Онъ немедленно пріобрѣтаетъ и американскую энергію, и даже американскія знанія. Останься онъ въ Америкѣ тѣмъ же, что онъ дома, и на другой же день онъ погибнетъ въ борьбѣ за существованіе. Американскій трудъ производителенъ потому, что народъ владѣетъ массой техническихъ знаній, которыми не владѣютъ другіе народы. Американецъ умѣетъ не только пользоваться прогресомъ техническихъ искуствъ, но и самъ создаетъ ихъ и, примѣняя ихъ къ промышленнымъ цѣлямъ, получаетъ гораздо большее количество труда. Едва-ли нужно доказывать, насколько употребленіе инструментовъ и машинъ дѣлаютъ американскій трудъ производительнѣе труда народовъ, незнакомыхъ съ машинами. Машины, какъ справедливо замѣчено, «дѣйствуютъ силами, превышающими силы человѣка, и совершаютъ работы слишкомъ нѣжныя для человѣческихъ рукъ». Для примѣра достаточно указать на производство карманныхъ часовъ, самыя мелкія части которыхъ никакой ловкій рабочій не произведетъ такъ искусно, какъ машина.

Но одного знанія и употребленія машинъ тоже недостаточно, чтобы въ народѣ разлилось благосостояніе. Нужно, чтобы въ цѣлой массѣ населенія явилось общее образованіе. Только тѣмъ мы и отличаемся, напр., отъ американцевъ, что въ Америкѣ каждый можетъ заниматься какимъ хотите дѣломъ и одинаково способенъ какъ на механическій, такъ и на умственный трудъ. Отъ этого только въ Америкѣ возможны подобные примѣры, что дровосѣкъ, портной или сапожникъ дѣлается не только президентомъ союза, но, подобно Линькольну, заноситъ свое имя на страницы исторіи. Изъ того, что мы постоянно жалуемся на недостатокъ людей для управленія промышленными и хозяйственными предпріятіями, можно заключить, насколько у насъ запросъ на знающихъ людей выше предложенія. Мы уже не говоримъ о простомъ рабочемъ, практическія соображенія котораго слабы и который способенъ къ очень ограниченному умственному труду, не имѣя для него достаточныхъ умственныхъ силъ. Въ Европѣ замѣчено, что чѣмъ выше общее образованіе, тѣмъ и народъ способнѣе къ болѣе успѣшному и широкому производительному труду. Лучшими работниками оказываются итальянцы и французы; но лучшими управляющими для разнородныхъ порученій считаются саксонцы и швейцарцы, благодаря только тому, что они получаютъ лучшее общее воспитаніе и развиваются въ средѣ съ высшими потребностями и стремленіями. Англійскій рабочій въ этомъ отношеніи далеко ниже итальянца, француза и нѣмца. Взятый собственно какъ спеціалистъ своего дѣла, англичанинъ оказывается лучше приготовленнымъ, чѣмъ всякій другой рабочій; но за то его нельзя поставить никуда дальше его спеціальности. Если англичанинъ нарѣзываетъ только винты, онъ будетъ ихъ нарѣзывать безукоризненно, но не требуйте отъ него, чтобы онъ съумѣлъ установить машину или сообразить какое-нибудь дѣло дальше этой спеціальности. Англійскаго рабочаго затупила англійская система раздѣленія труда и узкая спеціальность, въ которой его воспитала эта система. Когда Англія, желая изслѣдовать рабочій вопросъ, учредила особую комиссію для изслѣдованія, то оказалось, что сравнительно съ континентальными работниками англійскіе рабочіе занимаютъ чуть-ли не послѣднее мѣсто. Итальянецъ, французъ отличаются живостью соображенія, быстрымъ пониманіемъ и умѣньемъ найтись въ новыхъ обстоятельствахъ. Англичанинъ хотя и очень искусенъ въ томъ дѣлѣ, въ которомъ онъ воспитанъ, но во всемъ остальномъ тупъ. Кромѣ того англичанинъ грубъ, буенъ, безпорядоченъ и менѣе похожъ на порядочнаго человѣка, чѣмъ любой изъ итальянскихъ и французскихъ простолюдиновъ. Англичанинъ тѣмъ хуже и испорченнѣе, чѣмъ онъ необразованнѣе. Въ немъ не замѣчается внутренняя дисциплина и какъ только онъ выходитъ изъ подъ суровой власти, съ нимъ невозможно имѣть никакого дѣла.

Еще одно изъ условій успѣшности труда, не менѣе важное, какъ и умственное развитіе,— нравственное качество работника. Замѣчено, что работники съ болѣе развитыми умственными требованіями отличаются трезвостью, скромностью въ своихъ удовольствіяхъ и болѣе изящными наклонностями. Рабочіе, не отличающіеся развитыми нравственными качествами, требуютъ болѣе строгаго за ними наблюденія и потому весь трудъ, направленный на контроль и надзоръ за ними, является непроизводительной затратой. А между тѣмъ возможность, чтобы люди могли довѣрять другъ другу и чтобы богатство не растрачивалось вслѣдствіе человѣческой нечестности и хищничества, составляетъ, конечно, одно изъ самыхъ желательныхъ условій общежитія. Во всемъ, что мы говоримъ, мы, конечно, не ограничиваемся рѣчью объ одномъ только мускульномъ работникѣ. Въ общей экономіи труда какой-нибудь страны работниками являются не одни мужики, а всякій производитель—умственный и мускульный,—участвующій въ общемъ производствѣ. Ничто не наноситъ такого ущерба производительности и не усложняетъ общественныхъ и экономическихъ отношеній, какъ нечестность и невозможность довѣрять другъ другу. Разныхъ видовъ полиція и разныхъ видовъ судъ больше ничего, какъ учрежденіе, вызванное человѣческой нечестностью. И какія страшныя затраты приходится дѣлать на содержаніе суда и полиціи, благодаря только тому, что человѣческая нечестность не можетъ обойтись безъ внѣшней узды! Сообразите, что тратится на содержаніе юристовъ и адвокатовъ и какія громадныя суммы выплачиваетъ имъ общество во всѣхъ мировыхъ, окружныхъ и другихъ судахъ. Весь этотъ расходъ есть плата только за нечестность отношеній и за путаницы, которыя отъ нея возникаютъ. Если бы общество могло наконецъ подняться на такой уровень честности, что ему бы не потребовались никакіе юристы и адвокаты, что закрылись бы наконецъ всѣ полицейскія и судебныя учрежденія, по крайней мѣрѣ, настолько, насколько существованіе ихъ вызывается нечестностью, на какую бы громадную величину поднялась производительность труда и сколько бы сбереглось времени и расходовъ отъ того, что каждый изъ насъ исполнялъ бы свой трудъ честно!

Экономическая производительность много выигрываетъ еще и отъ той степени довѣрія, съ которой можно поручать распорядителямъ дѣла, большія суммы. Между европейскими государствами есть страны и мы, пожалуй, прямо укажемъ на наше отечество,—гдѣ многія дѣла оказываются невозможными только потому, что слишкомъ мало людей, которымъ бы можно было поручить деньги. Ни одинъ человѣкъ у насъ не довѣряетъ другому, а число лицъ, имѣющихъ такую репутацію, чтобы имъ можно было довѣрить деньги, ограниченнѣе у насъ, чѣмъ гдѣ либо.

Послѣдствія безчестности вовсе не отвлеченныя, а очень реальныя, потому что они экономическія. Безчестность требуетъ усиленнаго надзора, она возбуждаетъ недовѣріе, недовѣріе ведетъ къ провѣркѣ; наконецъ безчестность съ ея обманами и подлогами создаетъ цѣлую массу новыхъ учрежденій и за все это приходится платить очень большія деньги. Чтобы выяснить читателю, какой убытокъ наносится обществу отъ взаимнаго недовѣрія и необходимости провѣрки, мы укажемъ на одинъ примѣръ не изъ особенно важныхъ. Когда вы приходите въ лавку и покупаете товаръ, вы платите не только за стоимость его производства, но и за стоимость той увѣренности, которую вы получаете въ его добротности. Почему цѣна на сахаръ на столько не высока и барышъ на него такъ малъ, что имъ торгуютъ не съ особенной охотой? Причина только въ томъ, что каждый покупатель знаетъ доброту сахара и можетъ съ одного взгляда опредѣлить его достоинство. За сахаръ нельзя запросить произвольную цѣну и увѣрять покупателя въ томъ, въ чемъ его нельзя увѣрить. Напротивъ того, чай—товаръ очень закрытый—его можно подмѣшать и поддѣлать такъ искусно, что поддѣлки не замѣтитъ даже самый опытный глазъ. Поэтому одинъ и тотъ же сортъ чая продается по очень разнымъ цѣнамъ и всѣ расчеты торговцевъ чая и сахара основаны лишь на барышѣ на чаѣ, а вовсе не на сахарѣ. Въ магазинахъ, пользующихся репутаціею честности, покупатель платитъ охотно дороже только за одну увѣренность, что онъ получаетъ настоящій товаръ. Масса переплатъ, которая дѣлается такимъ образомъ, составляетъ громадную потерю въ общей экономіи труда и имѣетъ одно общее для всѣхъ послѣдствіе—удорожаніе жизни.

Мы говорили, что есть страны, богатыя плодородной почвой, минеральными сокровищами, надѣленные превосходнымъ климатомъ; другія отличаются бѣдностію естественныхъ богатствъ. Конечно, естественныя условія играли до сихъ поръ очень важную роль въ экономическихъ судьбахъ народовъ, но наступаетъ уже моментъ, когда вліяніе цивилизаціи стало сглаживать естественныя неравенства. Благодаря устройству сношеній—пароходамъ и желѣзнымъ дорогамъ—и лучшимъ общественнымъ учрежденіямъ, происходитъ между народами настолько свободный и удобный обмѣнъ естественныхъ богатствъ, что американскій хлопокъ и сахарный песокъ съ такою же выгодою обрабатываются въ Европѣ, какъ и въ Америкѣ. Неоспоримо, что естественныя неравенства при самыхъ свободныхъ отношеніяхъ народовъ будутъ оказывать всегда большее или меньшее вліяніе на экономическій бытъ народовъ, но это вліяніе никогда не будетъ главнымъ. Судьбы народовъ зависятъ не отъ ихъ естественныхъ богатствъ и счастье человѣка не въ землѣ, которую онъ эксплоатируетъ, а въ его головѣ, способной думать, понимать и устранять. Задача развитія заключается только въ томъ, чтобы люди съумѣли устроить отношенія, сглаживающія неравенства и создать средства для общаго счастья, т. е. въ тѣхъ учрежденіяхъ и общественныхъ порядкахъ, которые содѣйствуютъ возможности экономическаго и общественнаго уравновѣшенія силъ. Американецъ вышелъ изъ того же англичанина, но какая между ними разница. Одинъ не видитъ ничего дальше своей узкой спеціальности, другой всесторонenъ, находчивъ, изобрѣтателенъ. Французъ и итальянецъ отличаются отъ нѣмца вовсе не тѣмъ, что они созданы отъ природы иными людьми, а только тѣмъ, что развивались при разныхъ условіяхъ. Однимъ жилось лучше и приходилось побѣждать меньше препятствій, для другихъ борьба была упорнѣе и препятствій къ развитію оказывалось больше. Законъ развитія для всѣхъ народовъ одинъ и тотъ же безъ различія національностей. Англичанинъ отличается отъ русскаго тоже не естественными или физіологическими особенностями, но только тѣмъ, что тотъ и другой развивались при разныхъ матеріяльныхъ и общественныхъ условіяхъ и только

вслѣдствіе этого выработались въ особые національные типы.

Экономическая наука не знаетъ національностей. Она изслѣдуетъ только экономическіе законы и говоритъ объ условіяхъ успѣшности труда, которыя для всѣхъ народовъ одинаковы. При разборѣ этихъ условій оказывается, что впереди всего и самымъ вліятельнымъ является все то, что способствуетъ умственному и нравственному развитію народа и что облегчаетъ ему борьбу съ препятствіями. Испанцы, выбравшіе одинъ изъ плодороднѣйшихъ уголковъ Европы, не достигли того развитія, до котораго дошли нѣмцы, французы, англичане, только потому, что вѣчно находились подъ условіями, мѣшавшими ихъ свободному умственному развитію. Англія напротивъ, не смотря на свою не особенно щедрую природу, достигла міроваго господства, благодаря исключительно лучшимъ условіямъ быта. Поэтому экономическая наука устанавливаетъ, какъ истину, слѣдующую аксіому: при равенствѣ всѣхъ остальныхъ условій народъ, которому предстоитъ наибольшая борьба съ препятствіями, представляемыми природой, и скудостью естественныхъ средствъ, долженъ находиться въ наиболѣе благопріятныхъ общественныхъ условіяхъ и развивать въ себѣ умственныя силы, отъ которыхъ только и зависитъ его счастіе. Или, говоря проще, общественныя условія должны быть тѣмъ мягче и бережливѣе, чѣмъ сильнѣе препятствія и задержки, съ которыми приходится бороться народу.

Листки изъ записной книжки.

Стих. **Б. Левина.**

IX.

Никто не зналъ, какъ много ты страдала
Среди нужды, лишеній и трудовъ,
И, бодрая, сама ты утѣшала
Несущихъ крестъ тяжелый бѣдняковъ.

Ты недруговъ своихъ не проклинала,
Но, не смотря на кротость и любовь,
Какъ львица, ты за ближняго стояла
Передъ толпой тупыхъ его враговъ.

Давно погостъ зима запорошила,
Давно въ землѣ истлѣлъ уже твой прахъ,
Но тѣмъ, кого ты горячо любила,
Ты памятна—и этотъ холмъ въ цвѣтахъ
Мнѣ говоритъ, что горе не остыло
Въ безхитростныхъ и преданныхъ сердцахъ.

X.

И пасмурные дни, и пасмурныя ночи,
И вѣчные дожди переносить нѣтъ мочи,
Но мудрость говоритъ и вѣрить надо твердо,
Что дни ненастные всегда смѣняетъ вёдро.

Полна лишеній жизнь, но послѣ дней мученья
Мы ожидать должны себѣ отдохновенья
И еслибъ долго мы его не находили,
То все-таки оно насъ ждетъ... хотя въ могилѣ.

Лѣтніе загородные театры **).

II.



ного лѣтъ уже Павловскъ считается одною изъ любимѣйшихъ лѣтнихъ резиденцій петербуржцевъ. До недавняго времени павловскій воксалъ, съ его роскошною обстановкою, съ его ежедневною даровою музыкою, былъ такимъ увеселительнымъ мѣстомъ, которое рѣшительно не имѣло конкурентовъ въ окрестностяхъ Петербурга. За послѣднее время такіе конкуренты народились, но и до сихъ поръ павловскій воксалъ съ честью выдерживаетъ борьбу со вновь возникшими его подражателями и до сихъ поръ, не смотря на слишкомъ высокія противъ прежняго цѣны на проѣздъ по желѣзной дорогѣ, не смотря на конкуренцію воксала въ «Озеркахъ», не смотря даже на снотворность програмы, которою угощаетъ зачастую посѣтителей его концертовъ, можетъ быть, и очень ученый, но во всякомъ случаѣ очень скучный нѣмецъ Лангенбахъ, павловскій воксалъ посѣщается очень усердно многочисленной публикой.

Густота населенія Павловска въ лѣтнее время, довольно высокій уровень средней величины матеріяльнаго благосостоянія поселяющихся въ Павловскѣ дачниковъ, близость и удобство сообщенія Павловска съ Петербургомъ, все это, вмѣстѣ взятое, навело три года тому назадъ на мысль, что въ Павловскѣ удобно и выгодно построить лѣтній театръ. Мысль эту взялся практически осуществить тогдашній антрепренеръ петербургскаго театра-буффъ, г. Федотовъ. И первый антрепренеръ павловскаго театра и правленіе царскосельской желѣзной дороги, принявшее на себя по контракту съ г. Федотовымъ постройку театра, очевидно, возлагали на этотъ театръ самыя блестящія надежды. Правленіе не пожалѣло большихъ денегъ на роскошную внѣшнюю и внутреннюю отдѣлку театра, который вышелъ дѣйствительно изящнѣе и богаче всѣхъ подобныхъ ему театровъ въ другихъ окрестностяхъ Петербурга; г. Федотовъ не побоялся никакихъ затратъ для того, чтобы поставить павловскій театръ въ артистическомъ отношеніи на самую широкую ногу. Какъ розовы были надежды г. Федотова и широки его затѣи, видно уже изъ того, что г. Федотовъ для перваго сезона (бывшаго для него послѣднимъ) пригласилъ сразу три труппы: русскую драматическую, балетную и французскую опереточную.

Павловскіе старожилы недовѣрчиво качали головами при такихъ затѣяхъ строителей и антрепенера павловскаго театра и предрекали ему незавидную будущность. Розовымъ мечтамъ суждено было разлетѣться прахомъ, мрачныя предсказанія очень скоро оправдались на дѣлѣ и вотъ уже четвертый годъ сряду павловскій театръ страдаетъ хронической болѣзнью пустоты зрительнаго зала и ежегодно мѣняющіеся антрепренеры его, вмѣсто ожидаемыхъ барышей, знакомятся съ недочетами и убытками. Наиболѣе чувствительный убытокъ на павловскомъ театрѣ понесъ первый его антрепренеръ, г. Федотовъ. Хотя онъ былъ и единственнымъ изъ хозяевъ павловскаго театра, хорошо знавшимъ свое дѣло, но, зарвавшись на слишкомъ смѣло и широко задуманномъ предпріятіи, потерпѣлъ на первомъ сезонѣ до 40,000 р. убытка. На слѣдующій годъ г. Федотова смѣнилъ совсѣмъ несвѣдущій въ театральномъ дѣлѣ человѣкъ — г. Батезатулъ. Подъ управленіемъ его павловскій театръ былъ низведенъ до уровня плохого захолустнаго провинціальнаго балагана. И на грошевые, сравнительно съ федотовскими, расходы г. Батезатулъ, конечно, не свелъ концовъ съ концами. На смѣну г. Батезатулу явились гг. Бартель и Танѣевъ; подъ ихъ управленіемъ дѣла павловскаго театра стояли еще хуже. Послѣ такихъ катастрофъ даже наиболѣе сочувствующіе павловскому театру люди отчаявались уже въ возможности дальнѣйшаго его существованія. Нашелся, однако, человѣкъ, взявшійся за антрепризу этого несчастнаго, преслѣдуемаго судьбою театра и въ нынѣшнемъ году. Интересующіеся и знакомые съ театральнымъ дѣломъ кружки были поражены неожиданною новостью. Имя смѣльчака, взявшагося за антрепризу павловскаго театра, г. Князева, оказалось совершенно неизвѣстнымъ никому изъ театраловъ. За то очень хорошо и близко было знакомо театральнымъ кружкамъ имя его сотрудника. Режиссеромъ павловскаго театра явился бывшій режиссеръ александринскаго театра, потомъ директоръ тифлисскаго театра, г. Яблочкинъ. До назначенія его главнымъ режиссеромъ русской драматической труппы въ Петербургѣ, г. Яблочкинъ былъ, какъ извѣстно, незамѣтнымъ по своему таланту актеромъ александринской труппы. Въ бытность свою главнымъ режиссеромъ александринскаго театра г. Яблочкинъ тоже не успѣлъ стяжать себѣ особыхъ симпатій ни за кулисами, ни въ публикѣ, ни въ прессѣ. За періодъ своего режиссерства г. Яблочкинъ успѣлъ прославиться только заботливостью о декоративной и бутафорной частяхъ сценической обстановки. Въ репертуарѣ же дѣятельность его проявилась болѣе въ наводненіи оперетками. Когда, однако, г. Яблочкинъ выбылъ изъ Петербурга въ Тифлисъ, въ качествѣ антрепренера частнаго театра, то замѣстившія его лица одинъ за другимъ проявили такъ мало способностей къ режиссерскому дѣлу, что петербургская публика, да и сама александринская труппа, скоро начала сожалѣть объ утратѣ г. Яблочкина. Прошло нѣсколько лѣтъ, антреприза тифлисскаго театра перешла отъ г. Яблочкина къ другому лицу, г. Яблочкинъ жилъ въ Петербургѣ не у дѣлъ и въ театральныхъ кружкахъ стали раздаваться возгласы объ умѣстности снова пригласить г. Яблочкина режиссеромъ александринской сцены, но этого не состоялось. Но, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, г. Яблочкинъ, во мнѣніи многихъ, явился знающимъ и талантливымъ режиссеромъ, котораго не съумѣли оцѣнить.

Въ такомъ положеніи находился г. Яблочкинъ передъ началомъ нынѣшняго сезона въ павловскомъ театрѣ. Слухъ о появленіи его въ качествѣ режиссера павловскаго театра былъ встрѣченъ публикою и прессою съ живѣйшимъ сочувствіемъ. Въ газетахъ появились сенсаціонныя статьи, въ которыхъ сообщалось, что г. Яблочкинъ до открытія сезона въ Павловскѣ объѣздитъ всю Россію и привлечетъ въ составъ павловской труппы всѣ лучшія силы провинціальныхъ театровъ.

Теперь, когда театральный сезонъ павловскаго театра подъ режиссерствомъ г. Яблочкина, окончился, своевременно критически отнестись къ работѣ, сдѣланной этимъ «умнымъ и опытнымъ» режиссеромъ, какъ его называли въ большинствѣ газетъ. При этомъ не надо забывать, что въ матеріяльныхъ средствахъ для осуществленія своихъ затѣй г. Яблочкинъ не нуждался, ибо антрепренеръ павловскаго театра оказался состоятельнѣе и тороватѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ.

Подводя итоги истекшаго сезона павловскаго театра, приходится, къ сожалѣнію, сказать, что результаты далеко не оправдали радужныхъ надеждъ, возлагавшихся на г. Яблочкина. Въ составъ постоянной труппы павловскаго театра вошли, по большей части, актрисы и актеры александринскаго театра и клубныхъ сценъ; изъ провинціальныхъ извѣстностей публика увидѣла въ составѣ труппы одну только дочь режиссера г-жу Яблочкову 2. Эта несомнѣнно талантливая артистка, впрочемъ, давно уже знакома петербургской публикѣ и по казенной, и по клубнымъ сценамъ, она играла прежде и въ Кронштадтѣ, и въ Ораніенбаумѣ, и въ Павловскѣ, и приглашеніе ея въ труппу павловскаго театра, конечно, не можетъ быть поставлено въ особую заслугу г. Яблочкину. Но, и пригласивъ свою дочь, режиссеръ г. Яблочкинъ, нельзя сказать, чтобы выказалъ въ самомъ способѣ, такъ сказать, преподношенія своего роднаго дѣтища лицезрѣнію публики слишкомъ большую заботливость нѣжнаго отца и слишкомъ большіе режиссерскіе

**) Статья эта предназначалась для прошлаго, 36 №, «Жив. Об.», но не вошла въ него по недостатку мѣста. *Прим. Ред.*

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА Л. КНАУСА.

Дѣвушка съ гусями.

Рѣзала на деревѣ г-жа **Абель** въ С.-Петербургѣ.

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА ШРЁДЕРА.

Перехваченное письмо. Рѣзалъ на деревѣ **Брендамуръ** въ Дюссельдорфѣ.

опытность и умъ. Едва можно назвать двѣ, три роли, въ которыхъ г-жѣ Яблочкиной 2-й была дана возможность выказать свой талантъ въ настоящемъ его развитіи, потому что, надо согласиться, лѣта дѣлаютъ свое дѣло, и нельзя же десять лѣтъ сряду играть однѣ и тѣ же роли наивно-глупыхъ пансіонерокъ, въ которыхъ была такъ прелестна г-жа Яблочкина 2, когда она находилась на александринской сценѣ. Лѣта и долгое пребываніе въ провинціи оставили свой слѣдъ и на игрѣ г-жи Яблочкиной; въ роляхъ, не подходящихъ уже болѣе къ сценическимъ даннымъ артистки, прежнюю естественность и простоту, до такой степени подкупавшую зрителей, по неволѣ замѣнили подчеркиваніе, шаржировка, такъ называемое на театральномъ языкѣ переигрываніе. Очевидно, пора г-жѣ Яблочкиной порѣшить съ этимъ неподходящимъ къ ней репертуаромъ и перейти на болѣе серьезныя роли. Между тѣмъ такихъ серьезныхъ ролей на долю г-жи Яблочкиной выпадало слишкомъ мало, въ большинствѣ случаевъ, ей приходилось играть тѣже нелѣпыя пустячки, которые милы и смотрятся легко, когда исполняющая ихъ артистка очень молода и по природѣ наивна. Случалось даже и такъ, что въ явный подрывъ репутаціи артистки и симпатіямъ къ ней публики, г-жѣ Яблочкиной 2 приходилось въ одинъ и тотъ же вечеръ изображать и французскаго гамена въ пьесѣ «Жозефъ, парижскій мальчикъ» (мимоходомъ сказать, одна изъ удачнѣйшихъ ролей г-жи Яблочкиной въ нынѣшнемъ сезонѣ) и наивно-глупую кисейную барышню въ пошломъ водевилѣ. Такое отношеніе къ артисткѣ, которою, помимо родственныхъ чувствъ, не могъ не дорожить г. Яблочкинъ, какъ однимъ изъ лучшихъ украшеній труппы, очевидно, доказываетъ одно изъ двухъ, или режиссерскій тактъ и умъ г. Яблочкина превознесены сверхъ заслугъ, или г. Яблочкинъ относился къ своимъ режиссерскимъ обязанностямъ въ павловскомъ театрѣ небрежно, спустя рукава.

Кромѣ г-жи Яблочкиной, въ составѣ женскаго персонала постоянной труппы можно назвать развѣ одну даровитую артистку на роли комическихъ старухъ, г-жу Семенову, также хорошо извѣстную петербургской публикѣ. Г-жи Глама-Мещерская и Михайлова отличались болѣе изяществомъ своихъ природныхъ данныхъ и костюмовъ, чѣмъ талантливостью игры. Объ остальныхъ актрисахъ павловскаго театра упоминать не приходится.

Набранный г. Яблочкинымъ мужской персоналъ еще менѣе цѣненъ, чѣмъ женскій. Мы не будемъ говорить о слишкомъ извѣстныхъ Петербургу гг. Киселевскомъ и Трофимовѣ, остановимся только на артистахъ, приглашенныхъ г. Яблочкинымъ изъ провинціальныхъ труппъ въ постоянную труппу павловскаго театра. Но такихъ, о которыхъ стоитъ говорить, всего одинъ — г. Горевъ. Мы не рѣшимся относиться слишкомъ строго къ г. Гореву. Порода людей, годныхъ для занятія ролей первыхъ любовниковъ на русскихъ драматическихъ сценахъ положительно вымираетъ. Во всей Россіи не насчитаешь и десятка артистовъ, способныхъ занимать это амплуа. На петербургской казенной сценѣ оно много лѣтъ уже должно считаться вакантнымъ, потому что занимающіе его гг. Нильскій, Петипа, Сосновскій и Каширинъ едва-ли могутъ считаться пригодными для этого амплуа. Въ Москвѣ есть одинъ дѣйствительно даровитый на это амплуа актеръ — г. Ленскій, а въ провинціи называютъ два-три имени: гг. Чарскаго, Иванова-Козельскаго, Путяту, да больше никого и не могутъ назвать. Въ Петербургѣ и его окрестностяхъ дѣйствовали въ нынѣшнее лѣто три первыхъ драматическихъ любовника не изъ казенныхъ актеровъ — г. Стрельскій (въ Ораніенбаумѣ и на клубныхъ сценахъ), г. Чернявскій (въ Ораніенбаумѣ) и г. Горевъ (въ Павловскѣ). Изъ числа этихъ трехъ артистовъ лучшій несомнѣнно г. Стрѣльскій, но онъ по лѣтамъ и по физическимъ даннымъ перестаетъ уже подходить къ амплуа первыхъ любовниковъ и переходитъ по преимуществу на характерныя роли, а отчасти уже и на роли резонеровъ. Нынѣшнимъ лѣтомъ г. Стрѣльскій съ особымъ успѣхомъ сыгралъ двѣ очень сильныя характерныя роли — Уріэля Акоста въ пьесѣ того же названія (въ Ораніенбаумѣ) и Петруччіо въ «Укрощеніи строптивой» (въ Павловскѣ, въ бенефисъ г. Яблочкина).

Что касается до гг. Горева и Чернявскаго, они смѣло могутъ подать другъ другу руки, они вполнѣ стоятъ одинъ другого. У обоихъ есть задатки таланта, у обоихъ есть чувство, жаръ, у обоихъ есть, до извѣстной степени, представительная внѣшность и приличныя манеры, у обоихъ чувствуется полное отсутствіе эрудиціи, обдуманности и отдѣлки въ игрѣ. Г. Горевъ имѣетъ передъ г. Чернявскимъ одно несомнѣнно важное и цѣнное преимущество — у него чистый и внятный голосъ, между тѣмъ какъ г. Чернявскій картавитъ такъ, что подчасъ его невозможно слушать.

И такъ бѣглый обзоръ состава труппы павловскаго театра приводитъ къ убѣжденію, что въ составленіи этой труппы не выказалось ни особыхъ трудовъ, ни особаго ума г. Яблочкина. Труппа эта не содержитъ въ себѣ ни одной изъ тѣхъ дѣйствительно обрѣтающихся въ изобиліи въ провинціи силъ, за ознакомленіе съ которыми петербургская публика могла бы почувствовать особую признательность къ г. Яблочкину. Составленная имъ труппа несомнѣнно гораздо хуже той труппы, какая была у г. Федотова, и очень немногимъ лучше и богаче труппъ г. Батезатула и гг. Бартеля и Танѣева.

И репертуаръ павловскаго театра не отличался никакими новинками. Въ составленіи его также не видно слѣдовъ ума и энергіи г. Яблочкина; репертуаръ этотъ воспроизводятъ въ томъ же видѣ и всѣ другіе загородные театры; г. Яблочкинъ не поставилъ ни одной новой неигранной нигдѣ пьесы, — роскошь, которую позволяли себѣ гораздо болѣе бѣдныя сцены, не исключая даже и микроскопическихъ клубныхъ сценъ.

Въ концѣ концовъ, дѣятельность г. Яблочкина проявилась въ Павловскѣ, какъ и на казенной сценѣ, въ одномъ строгомъ наблюденіи за внѣшнимъ порядкомъ и внѣшнею чистотою и приличіемъ обстановки пьесы. Въ этомъ мы готовы отдать полную справедливость г. Яблочкину. Развѣ еще упомянемъ о сложной канцелярской формалистикѣ, заведенной г. Яблочкинымъ за кулисами павловскаго театра. Тамъ воспроизведена съ фотографическою точностью система канцелярской переписки, повѣстки, бланки, рапорты и донесенія и пр. и пр.

При такомъ скромномъ объемѣ нововведеній, принесенныхъ съ собою въ павловскій театръ г. Яблочкинымъ, не удивительно, что дѣла павловскаго театра и въ нынѣшнемъ году шли въ общемъ не много лучше прошлыхъ лѣтъ. Весь іюнь и весь августъ театръ былъ также пустъ, какъ и въ прежніе года при прежнихъ неумѣлыхъ распорядителяхъ; вечеровые сборы доходили, говорятъ, даже до 50 р., между тѣмъ какъ вечеровой расходъ простирался, какъ слышно, до 500 р. Все это, конечно, какъ бы по мановенію какой-нибудь волшебницы, измѣнилось на время пребыванія въ Павловскѣ знаменитой московской артистки Г. Н. Федотовой. Съ пріѣздомъ ея не только въ павловскомъ, но и во всѣхъ другихъ загородныхъ театрахъ пустая наканунѣ зрительная зала превращалась въ биткомъ набитую и вечеровой сборъ изъ нѣсколькихъ десятковъ рублей мгновенно превращался въ нѣсколько сотенъ, а не то и въ нѣсколько тысячъ рублей, смотря по вмѣстимости театра.

Досужіе и охочіе до исчисленія чужихъ барышей репортеры высчитываютъ, что г-жа Федотова за свое пребываніе въ Петербургѣ въ нынѣшнемъ году (около мѣсяца) принесла дохода разнымъ театрамъ до 26,000 р., сама за то же время заработавши до 6,000 р. Цифры эти, конечно, трудно провѣрить, но несомнѣнно, что г-жа Федотова принесла большіе барыши нѣсколькимъ антрепренерамъ частныхъ театровъ и что наибольшая доля этихъ барышей досталась павловскому театру, гдѣ г-жа Федотова сыграла 15 спектаклей, между тѣмъ какъ въ другихъ мѣстахъ сыграла по 3, по 2, а то и по одному спектаклю (по 3 спектакля г-жа Федотова сыграла въ Ораніенбаумѣ и въ Озеркахъ). Всего за свое пребываніе въ Петербургѣ и его окрестностяхъ г-жа Федотова сыграла, если не ошибаемся 23 или 24 спектакля, исполнивши въ этихъ спектакляхъ счетомъ 10 различныхъ ролей. Г-жа Федотова исполняла роли въ слѣдующихъ пьесахъ: «Какъ поживешь, такъ и прослывешь» (La dame aux camelias), «Гроза», «Сумасшествіе отъ любви», «Бѣшенныя деньги», «Маіорша», «Лакомый кусочекъ», «Вѣтерокъ» (Frou-frou), «Укрощеніе строптивой» и «Въ осадномъ положеніи».

Одного этого перечня пьесъ, сыгранныхъ г-жею Федотовою, достаточно, чтобы видѣть, какъ разнообразны типы, изображенные ею. Какъ бы ни была высоко талантлива артистка, для всякаго понимающаго театральное дѣло ясно, что десять такихъ разнообразныхъ ролей не могутъ всѣ одинаково удасться артисткѣ, что въ самомъ даровитомъ исполненіи должны быть оттѣнки большаго или меньшаго совершенства, большей или меньшей цѣльности и полноты отдѣлки, смотря по большему или меньшему соотвѣтствію той или другой роли природнымъ даннымъ артистки.

О громадности дарованія г-жи Федотовой нечего и говорить, но опять-таки всѣмъ знакомымъ съ ея игрою хорошо извѣстно, что она принадлежитъ къ той категоріи крупныхъ талантовъ, въ которыхъ умъ и школа преобладаютъ надъ внутреннимъ чувствомъ, и, такъ сказать, инстинктивною даровитостью, которою всѣ всякой школы, внѣ всякой эрудиціи, потрясаютъ зрителей таланты-самородки другой категоріи.

Именно въ силу принадлежности г-жи Федотовой къ этой первой категоріи артистовъ, съ нею, конечно, не можетъ быть того, что зачастую случается съ наиболѣе крупными изъ талантовъ-самородковъ, у нея не можетъ быть ни одной безусловно неудачной, безусловно слабой роли; въ самую неподходящую къ ея средствамъ роль г-жа Федотова внесетъ столько ума, знанія и кропотливой, детальной отдѣлки, что въ общемъ заставитъ зрителей забыть и о несоотвѣтствіи, напримѣръ, лѣтъ и внѣшности артистки изображаемому типу, но изъ этого все-таки еще, конечно, не слѣдуетъ, чтобы почтенная артистка была безусловно одинаково «бесподобна, неподражаема и недосягаема» во всѣхъ исполняемыхъ ею роляхъ, какъ это съ усердіемъ, достойнымъ лучшей цѣли, наперерывъ и до надсады глотокъ кричали ея слишкомъ неумѣренные хвалители во все время ея пребыванія въ Петербургѣ.

Скажемъ безъ обиняковъ и во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній, мы сами ставимъ г-жу Федотову очень высоко въ ряду современныхъ не только русскихъ, но и иностранныхъ драматическихъ актрисъ. Въ настоящую минуту она первая русская актриса и даже между современными французскими актрисами найдется не болѣе двухъ, трехъ, которыя имѣли бы дѣйствительное право поспорить съ нею о первенствѣ. Но именно глубокое уваженіе къ артисткѣ и обязываетъ

насъ отнестись къ ея игрѣ съ строгостью и безпристрастіемъ, которыя, безъ сомнѣнія, послужатъ лучшею данью уваженія артисткѣ, чѣмъ, вѣроятно, прискучившіе и самой г-жѣ Федотовой безусловные и не мотивированные дифирамбы, которые она только и слышала здѣсь въ Петербургѣ. Прежде всего мы не можемъ не сказать, что репертуаръ, выбранный г-жею Федотовою, нельзя назвать особенно удачнымъ.

Въ составъ этого репертуара вошла одна пьеса, въ которой г-жѣ Федотовой теперь уже не слѣдуетъ играть: («Въ осадномъ положеніи»); такъ какъ г-жѣ Федотовой приходится исполнять въ ней роль ingénue; и нѣсколько пьесъ, въ которыхъ г-жа Федотова превосходно играетъ мѣстами, мѣстами-же опять-таки уже не можетъ производить безусловно цѣльнаго художественнаго впечатлѣнія по той же самой причинѣ, по которой ей не слѣдуетъ исполнять роль Лизы въ пьесѣ «Въ осадномъ положеніи»; къ числу такихъ пьесъ мы относимъ: «Вѣтерокъ», «Маіоршу» и отчасти «Бѣшенныя деньги». Въ «Вѣтеркѣ», напримѣръ, у г-жи Федотовой неподражаемы всѣ тѣ сцены, на которыя у г-жи Савиной не хватаетъ ни физической силы, ни драматическаго таланта, но за то пропадаетъ первый актъ, въ которомъ требуется легкость и игривость юной и гибкой натуры, характеризуемой самымъ названіемъ пьесы. Тоже самое и въ «Маіоршѣ»,—выдаются, конечно, не только безспорно художественныя, но и просто поражающія зрителей прочувствованностью, обдуманностью и реальностью мѣста, но улетучивается совершенно типъ «опаснаго бѣсенка съ чисто кошачьею игривостью», какъ характеризуетъ, по нашему мнѣнію, вполнѣ правильно Феню-маіоршу одинъ изъ рецензентовъ. Въ исполненіи роли Лидіи Чебоксаровой въ «Бѣшенныхъ деньгахъ» г-жѣ Федотовой приходится сдѣлать другой упрекъ. Исполненіе роли съ начала до конца пьесы ровно, черезъ всю пьесу проводится артисткою одинъ строго обдуманный и въ мельчайшихъ подробностяхъ выработанный типъ, но типъ этотъ, какъ намъ сдается, не вполнѣ тождественъ съ типомъ, задуманнымъ г. Островскимъ. Г-жа Федотова съ перваго же акта изображаетъ Лидію Чебоксарову черезчуръ перезрѣлою и черезчуръ искусившеюся въ жизненномъ опытѣ особою, и въ костюмъ, и въ манеры и въ самую дикцію Лидіи г-жа Федотова вноситъ дѣланности и афектаціи гораздо болѣе, чѣмъ это требуется по характеру созданной авторомъ героини. По тѣмъ же причинамъ, что и предъидущія пьесы, а также и по совершенной обветшалости и непригодности для русской сцены такихъ отжившихъ мелодрамъ, не слѣдовало бы г-жѣ Федотовой ставить и злополучной драмы «Дитя», о прелестяхъ которой мы уже говорили по поводу исполненія главной въ ней роли г-жею Ермоловою.

Въ извѣстной драмѣ Дюма «La dame aux camélias», на русскомъ языкѣ неизвѣстно зачѣмъ обозванной «Какъ поживешь, такъ и прослывешь», г-жа Федотова замѣчательно хороша во всѣхъ актахъ, кромѣ перваго, который никогда не удавался ни одной русской артисткѣ. Не удался вполнѣ и г-жѣ Федотовой по той простой причинѣ, что вполнѣ совладать съ этимъ актомъ могутъ лишь прирожденныя француженки.

Лучшими ролями г-жи Федотовой въ нынѣшній ея пріѣздъ были роли въ «Грозѣ», въ «Сумасшествіи отъ любви», въ «Укрощеніи строптивой» и въ «Лакомомъ кусочкѣ».

Выборъ пьесъ, въ которыхъ артисткѣ, хотя бы и занимающей первенствующее мѣсто, какъ г-жа Федотова, приходится играть на казенной сценѣ, очень мало зависитъ отъ самой артистки. Воля начальства, необходимость играть большое число разъ, въ виду системы разовыхъ, наконецъ, усиленныя просьбы бенефиціантовъ и бенефиціантокъ, которымъ такъ необходимо украсить бенефисную афишу именами любимицъ и любимцевъ публики, все это вмѣстѣ взятое нерѣдко заставляетъ артистку или артиста нехотя принять на себя роль и не по средствамъ и не по душѣ, но всѣ эти постороннія для дѣла искусства соображенія исчезаютъ при выѣздѣ артистки съ громкимъ, прочно установившимся артистическимъ именемъ, на гастроли внѣ мѣста своего казеннаго служенія. Такая артистка, какъ г-жа Федотова, все пребываніе которой въ Петербургѣ въ нынѣшнемъ году было рядомъ непрерывныхъ тріумфовъ, можетъ предписывать антрепренерамъ частныхъ театровъ какія угодно условія. Мы не говоримъ о провинціальныхъ театрахъ, гдѣ мѣстныя условія и средства труппы не позволяютъ ставить извѣстныя пьесы, но дѣлаютъ постановку другихъ пьесъ и легкою, и удобною, и желательною. Но ѣдучи въ Павловскъ, г-жа Федотова свободно могла выбрать для своихъ гастролей, какія угодно изъ лучшихъ пьесъ своего репертуара. Разъ, что этотъ театръ можетъ прекрасно, со стороны внѣшней обстановки, очень слабо, со стороны исполненія остальныхъ ролей, кромѣ роли примадонны, обставить такія пьесы, какъ «La dame aux camélias», «Сумасшествіе отъ любви», «Укрощеніе строптивой и «Дитя», очевидно, онъ былъ бы въ силѣ на столько же прилично обставить и всякую другую пьесу репертуара г-жи Федотовой. Что касается до сбора и восторга публики, то тотъ и другой были одинаково обезпечены, въ какой бы изъ лучшихъ или худшихъ своихъ ролей ни выступила г-жа Федотова. Отчего же было не отнестись построже къ выбору репертуара? Отчего, напр., вмѣсто того, чтобы давать «Бѣшенныя деньги», не дать «Ошибки молодости». Роль княгини въ этой пьесѣ, какъ и роль вдовы въ «Лакомомъ кусочкѣ», вотъ, очевидно, тотъ жанръ ролей въ современныхъ русскихъ комедіяхъ, котораго по преимуществу слѣдуетъ теперь придерживаться г-жѣ Федотовой. Она, какъ мы слышали, и сама того же мнѣнія, она и сама склонна, мало-по-малу, ограничить свой репертуаръ въ легкихъ комедіяхъ ролями такъ называемыхъ grandes coquettes и grandes dames, бросивъ неподходящее уже болѣе къ ея средствамъ амплуа драматическихъ ingénue. Кромѣ упомянутыхъ ролей въ современныхъ комедіяхъ г-жа Федотова долго еще будетъ очень хороша въ громадномъ, неисчерпаемомъ репертуарѣ сильно драматическихъ и бытовыхъ ролей, для чего же ей теперь же не бросить, особенно на гастрольныхъ спектакляхъ, такихъ нелѣпицъ, какъ Мадлена въ драмѣ «Дитя», или такихъ пустяковъ, какъ Лиза въ комедіи «Въ осадномъ положеніи».

Какъ бы то ни было, даже и съ тѣмъ, во многихъ отношеніяхъ оставляющимъ многаго желать, репертуаромъ, съ какимъ пожаловала къ намъ г-жа Федотова въ свое посѣщеніе Петербурга, пребываніе ея все-таки составило событіе въ небогатыхъ отрадными явленіями лѣтописяхъ петербургскаго театра. Понятно поэтому, какую сенсацію произвело въ петербургскомъ обществѣ распространившееся по городу и подхваченное и газетами извѣстіе о томъ, что г-жа Федотова совсѣмъ переходитъ съ московской сцены на петербургскую. Это извѣстіе, къ сожалѣнію, оказалось пока лишеннымъ основанія. Но за то изъ вѣрныхъ источниковъ намъ извѣстно, что г-жа Федотова пріѣдетъ въ Петербургъ зимой и приметъ участіе въ нѣсколькихъ спектакляхъ александринскаго театра.

Въ Египтѣ.

Романъ.

(*Продолженіе.*)

XX.

Чудо, о которомъ я и мечтать не смѣла, свершилось... Господи! Неужели это не сонъ? Мнѣ кажется, что я съ ума схожу отъ счастья... Надо все тебѣ разсказать по порядку.

Послѣдніе три дня, подъ предлогомъ важныхъ занятій, отецъ заходилъ ко мнѣ только на самое короткое время; онъ казался очень озабоченнымъ, но мнѣ самой было такъ тяжело, что я не давала себѣ труда вникать въ причину его задумчивости. Сегодня онъ показался мнѣ болѣе разстроеннымъ, чѣмъ когда либо; онъ разсѣянно поцѣловалъ меня и, усѣвшись рядомъ со мной на диванъ, началъ крутить между пальцами папироску, забывая зажечь ее. Наконецъ, послѣ долгаго и томительнаго молчанія, онъ объявилъ мнѣ съ большими предосторожностями, что я должна мужаться, что со мной случилось несчастье—Магомету грозитъ опала и наша свадьба отложена на неопредѣленное время.

Онъ истолковалъ въ превратномъ смыслѣ волненіе, съ которымъ я его слушала и поспѣшилъ успокоить меня. Разумѣется, отчаяваться не слѣдуетъ, все еще можетъ поправиться... такой человѣкъ, какъ Магометъ, способенъ на многое, онъ будетъ бороться до послѣдней невозможности... и, по всей вѣроятности, снова поднимется, но тѣмъ не менѣе положеніе очень натянуто.

Самыя безумныя надежды замелькали въ моей головѣ; я начала его распрашивать и узнала, что вслѣдствіе весьма серьезныхъ недоразумѣній, возникшихъ съ партіей враждебной вице-королю, явилась необходимость послать вѣрнаго агента въ Лондонъ и въ Парижъ. Миссію эту хедивъ возложилъ на Магомета.

Раньше двухъ, трехъ мѣсяцевъ нечего и ждать возвращенія моего жениха... Два мѣсяца! Подумай только, Марта! Да вѣдь это спасеніе, можетъ быть? Мало-ли что можетъ случиться въ два мѣсяца! Я старалась скрыть мою радость, тѣмъ не менѣе отецъ не могъ не замѣтить, съ какимъ спокойствіемъ покоряюсь я своей участи, но онъ приписалъ это моему благоразумію и благодарилъ меня за то, что я облегчаю тяжелыя заботы, выпавшія на его долю, своимъ хладнокровіемъ и мужествомъ.

Дѣло въ томъ, что, судя по его словамъ, паденіе Магомета должно неминуемо повлечь за собой разореніе всего нашего семейства.

Въ моей головѣ блеснула мысль.

— Но въ такомъ случаѣ почему бы не послушаться Фаридэ? Почему бы не примкнуть къ партіи молодого Египта? замѣтила я съ улыбкой.

— Фаридэ съумасшедшая.

— Ну, не совсѣмъ! Въ настоящее время вѣтеръ подулъ въ ея сторону. Почему бы и намъ не обратиться къ новой восходящей зарѣ?

— Дитя! Ты ничего не смыслишь въ нашихъ распряхъ и недоразумѣніяхъ. Если старая партія надетъ—мы погибли, отъ молодой, кромѣ вражды, намъ ничего нельзя ждать.

— Но можетъ быть, можно было бы примирить васъ! опрометчиво вскричала я.

Отецъ посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ и замѣтилъ съ усмѣшкой, что я большой дипломатъ. Едва успѣлъ онъ выйти, какъ внѣ себя отъ счастья, я послала несчастному Гассану записку слѣдующаго содержанія: «Надѣйтесь! я васъ люблю!»

XXI.

Есть поступки, послѣ которыхъ нѣтъ возврата и которые рѣшаютъ судьбу всей жизни. Теперь кончено, моя милая Марта, я призналась ему въ моей любви и этимъ признаніемъ застраховала себя отъ всякой слабости. Пусть вернется теперь Магометъ, я не могу быть его женой. Какъ бы высоко онъ ни поднялся—между нами бездонная пропасть. Богатствомъ, положеніемъ въ свѣтѣ, всѣмъ этимъ я пожертвовала... Если нужно будетъ, я пойду противъ отца, потому что я больше не принадлежу себѣ... Какъ описать тебѣ съ какимъ безумнымъ восторгомъ Гассанъ

отвѣчалъ на слова, невольно вырвавшіяся изъ глубины моей души!

Еслибъ ты могла его видѣть на другой день, когда, проѣзжая съ Саидой на той дорогѣ, на которой происходятъ наши встрѣчи, я уронила къ его ногамъ вѣточку жасмина! На обратномъ пути я опять взглянула на него,—онъ стоялъ на томъ же мѣстѣ и цѣловалъ мой цвѣтокъ. Мнѣ показалось, будто этотъ поцѣлуй загорѣлся на моихъ губахъ.

Любовь его такъ мало самонадѣянна, такъ робка, что онъ даже и не подозрѣваетъ, что, признавшись ему въ моемъ чувствѣ, я тѣмъ самымъ обязуюсь принадлежать ему на вѣки. Сколько деликатности, сколько самоотверженія въ его любви! Онъ ни на что не надѣется. «Съ этой минуты жизнь моя принадлежитъ вамъ, располагайте ею». Вотъ все, что онъ требуетъ отъ меня. Какъ я буду счастлива, когда мнѣ можно будетъ открыто протянуть ему руку и передъ цѣлымъ свѣтомъ объявить, что я его невѣста. Мечты эти безумны, я это знаю, но что за дѣло! Онъ меня любитъ, мнѣ ничего больше не нужно! Я готова все съ нимъ дѣлить: его бѣдность, опасности, борьбу съ врагами!.. Кто знаетъ! Можетъ быть, вслѣдствіе внезапнаго поворота фортуны, любовь ко мнѣ Гассана сдѣлается для всѣхъ насъ единственнымъ якоремъ спасенія? Отецъ мой слишкомъ тонкій политикъ, чтобы не уступить моимъ просьбамъ, когда партія его будетъ побѣждена.

Можешь себѣ представить, какой переполохъ произвелъ въ нашемъ гаремѣ отъѣздъ Магомета? Приготовленія къ свадьбѣ пріостановлены; Саида въ отчаяньи, что ей еще не скоро придется обновить великолѣпный уборъ изъ бирюзы... Даже сама «старшая госпожа», вопреки обычной апатіи, съ любопытствомъ освѣдомляется о томъ, нѣтъ-ли чего новенькаго? По озабоченному лицу отца я догадываюсь, что дѣла идутъ плохо. Али почти каждый день навѣщаетъ меня и не стѣсняется громко выражать свои опасенія. Что же касается до сестры Оснахъ, она разсыпается въ жалобахъ и удивляется моему спокойствію.

— Ты такъ равнодушно относишься къ нашимъ печалямъ, Мріемъ, что можно подумать, что ты намъ чужая. А между тѣмъ это дѣло должно тревожить тебя больше всѣхъ, Магометъ будетъ твоимъ мужемъ, безпрестанно повторяетъ она съ горечью. И она права. Какъ ни стараюсь я скрыть чувства, волнующія мою душу, все выдаетъ мою радость—мой голосъ, выраженіе моего лица.

Оснахъ слишкомъ хитра, чтобъ не замѣчать, что у меня есть тайна; по ея распросамъ объ Адилѣ я поняла, что она кое-что знаетъ о нашихъ свиданіяхъ. На-дняхъ Саида попросила меня съѣздить съ нею въ лавки. Выходя изъ кареты, моя маленькая мачиха обратила мое вниманіе на негра, спокойно покуривающаго трубку на улицѣ. Когда мы вышли изъ магазина, онъ стоялъ все на томъ же мѣстѣ.

— Мнѣ кажется, что это одинъ изъ евнуховъ Оснахъ, сказала она.

Вскорѣ, тотъ же человѣкъ, появился близъ насъ въ другомъ мѣстѣ.

Очень можетъ быть, что Саида ошибается и что человѣкъ этотъ совершенно случайно встрѣтился намъ два раза сряду на пути; но тѣмъ не менѣе я разсказала объ этомъ брату, который посовѣтовалъ мнѣ воздержаться на время отъ удовольствія навѣщать его жену.

Все это вздоръ! Какое мнѣ дѣло до козней моей старшей сестры, когда каждое утро письмо отъ моего поэта вноситъ жизнь и счастье въ мою душу! Дорогая моя! Онъ давно меня знаетъ; онъ видѣлъ меня до знаменитой встрѣчи на берегу Нила! Проволочная сѣтка въ бесѣдкѣ Адилы не вся заросла зеленью, въ ней было отверстіе... Вотъ и весь секретъ! И вотъ почему онъ бросилъ вѣтку жасмина въ окно нашей кареты... Адила была права, онъ меня узналъ и желалъ доказать мнѣ этимъ свою признательность.

Я начала дѣйствовать и прежде всего приступила къ отцу съ распросами о томъ, въ какомъ положеніи дѣло?

Онъ съ полной откровенностью мнѣ сознался, что надежды на хорошій исходъ очень мало.

— Порученіе данное Магомету весьма трудно и, какъ ни велики его способности, врядъ-ли ему удастся выполнить его съ успѣхомъ. А между тѣмъ враговъ у него множество и они съумѣютъ воспользоваться его отсутствіемъ.

Отецъ весьма подробно описывалъ мнѣ свои опасенія. Въ такой странѣ, какъ наша, духу интриги предоставлено широкое поле дѣятельности и отсутствующіе всегда во всемъ виноваты. Хедивъ же и безъ того весьма склоненъ выслушивать клеветы, а ему со всѣхъ сторонъ наговариваютъ про Магомета.

Слушая эти слова, я вся трепетала отъ волненія и мнѣ показалось, что минута дѣйствовать наступила. Притворяясь вполнѣ проникнутой семейными интересами, я принялась осторожно намекать на то, что, по всей вѣроятности, самъ Магометъ согласится возвратить мнѣ данное ему слово, если онъ убѣдится, что мой бракъ съ нимъ повлечетъ за собой какія-бы то ни было непріятности для моего семейства.

— Сомнѣваться въ этомъ было бы несправедливо, прибавила я, сколько разъ вы сами превозносили его великодушіе...

Наконецъ, я осмѣлилась произнести роковое слово «разрывъ». Къ величайшей моей радости, отецъ ничего не возражалъ. Одно то, что въ его присутствіи можно обсуждать этотъ вопросъ, одно ужь это доказываетъ, что онъ допускаетъ возможность подобной развязки, неправда-ли?

Оснахъ продолжаетъ злиться и раздражаться моимъ спокойствіемъ. Сегодня она не въ силахъ была долѣе сдерживаться и замѣтила съ злой усмѣшкой:

— Ты, вѣрно, видишься съ Адилой? Берегись, ея совѣты тебя погубятъ!

Слова эти, вырвавшіяся у нея противъ воли, заставили меня покраснѣть и призадуматься. Неужели ей удалось проникнуть нашу тайну?

Всего лучше все это предоставить времени. Со дня отъѣзда Магомета прошелъ мѣсяцъ; по расположенію духа моей сестры, я вижу что дѣла идутъ плохо.

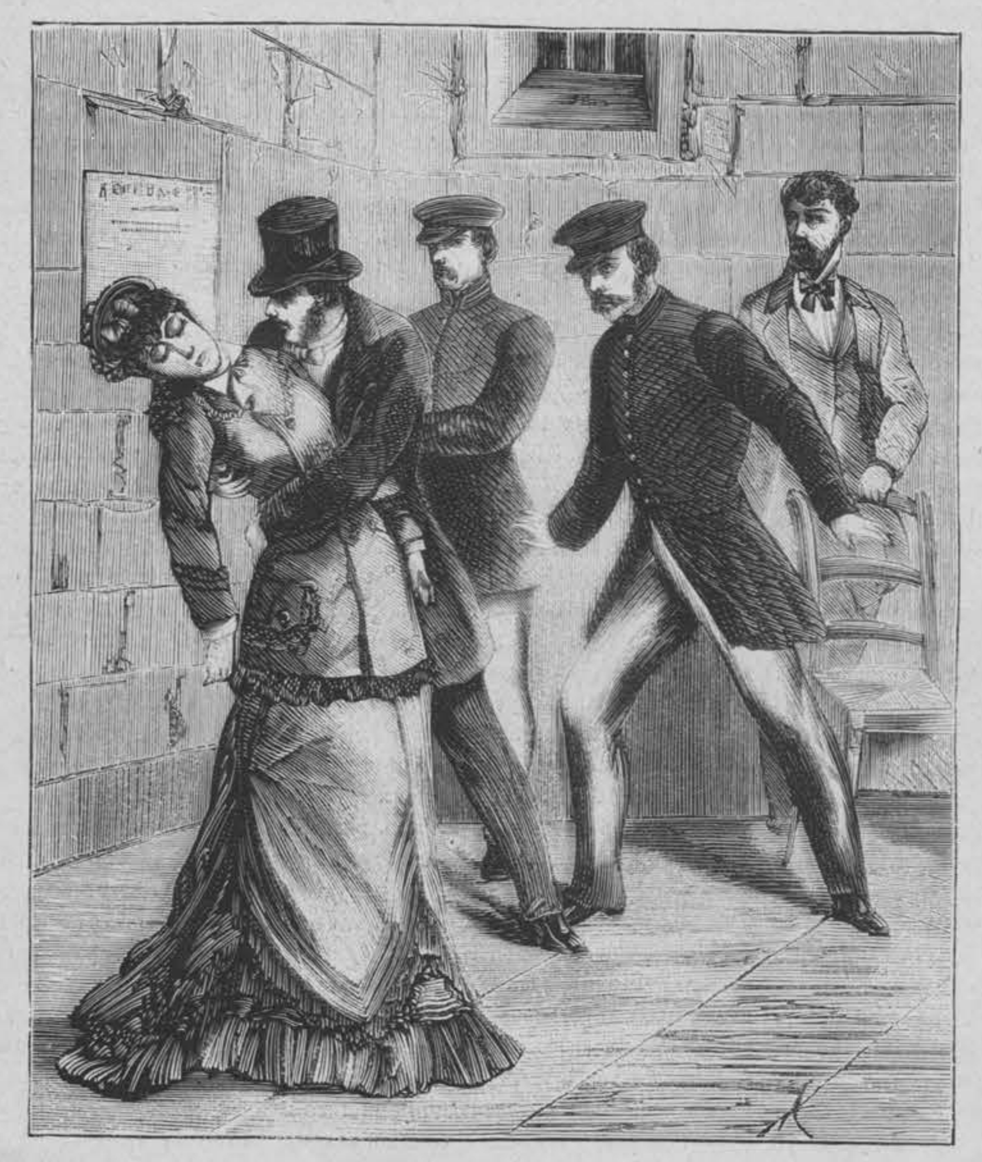
XXII.

Горе мнѣ! Онъ вернулся! Его увѣдомили о заговорѣ, который здѣсь составился противъ него и онъ нежданно-негаданно явился въ Каиръ, выполнивъ удачно свою миссію. Теперь вліяніе его сильнѣе, чѣмъ когда либо... Словъ не нахожу выразить мое отчаяньe, едва хватаетъ силъ удерживаться отъ слезъ! Отецъ въ восторгѣ, сегодня онъ объявилъ мнѣ, чтобъ я ждала на завтра посѣщенія моего жениха!

Надо собраться съ мыслями и рѣшиться на что-нибудь. Довольно малодушествовать и колебаться... Мои надежды на добровольный разрывъ съ Магометомъ не сбылись, я должна во всемъ сознаться отцу...

Долго обдумывала я свое положеніе, долго искала выхода изъ пропасти и ничего еще не нашла... Одно только вѣрно, это то, что живая или мертвая, но я выйду изъ нея достойная его любви... Силъ на борьбу у меня хватитъ, но меня смущаетъ опасность, которой я подвергну его, если открою его имя... Дѣйствовать, не посовѣтовавшись съ нимъ, невозможно, я не имѣю на это права. Пусть онъ мнѣ скажетъ, что дѣлать и тогда я твердо, спокойно и безпрекословно пойду по указанному имъ пути.

Время не терпитъ, надо все кончить до свиданія съ Магометомъ. Не долго думая, я приготовила записку, въ которой назначила Гассану



(Къ роману «Иза» № 23 Жив. Об.—Ч. III. Гл. V.) Раздался отчаянный крикъ Изы.

свиданіе въ тотъ же вечеръ въ саду Зуры. Записку эту я ему бросила изъ окна кареты, проѣзжая мимо того мѣста, гдѣ онъ всегда меня ожидаетъ.

Вечеромъ я поѣхала съ Назли кататься. Погода была прелестная и гуляющихъ подъ прохладными сводами тѣнистой аллеи было множество. Я нарочно выѣхала раньше, чтобъ не возбудить подозрѣніе евнуховъ сопровождавшихъ меня. Накатавшись вдоволь по аллеѣ, я приказала ѣхать вдоль берега Нила. Не въ первый разъ случалось мнѣ уединяться такимъ образомъ отъ шумной нарядной толпы, а потому люди мои не могли найти ничего страннаго въ этомъ приказаніи. Путь нашъ лежалъ мимо жилища Зуры: къ моей привычкѣ посѣщать этотъ домъ, свита моя тоже привыкла и я совершенно спокойно приказала здѣсь остановиться. Мы вышли изъ кареты. Ночь была свѣтлая... вдругъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дома я увидѣла человѣка, который поспѣшно скрылся за кусты при нашемъ появленіи. Сильно забилось у меня сердце и мнѣ невольно вспомнился тотъ день, когда Саидѣ показалось, будто одинъ изъ евнуховъ Оснахъ слѣдитъ за нами.

Въ испугѣ я оглянулась кругомъ—неподалеку стояла чья-то карета, которая точно также, какъ и наша, ожидала чего-то.

Неужели Оснахъ слѣдитъ за мной? Ужасъ, охватившій меня былъ такъ силенъ, что первымъ моимъ движеніемъ было бѣжать, но Назли вышла уже на крыльцо и, по выраженію лица ея сестры, я догадалась, что Гассанъ здѣсь. Насъ хотѣли застать вмѣстѣ, это несомнѣнно. Я вспомнила разсказы о гнусныхъ убійствахъ, совершающихся сплошь и рядомъ въ гаремахъ и кровь застыла въ жилахъ отъ ужаса... Его могутъ зарѣзать!.. Но отступать было поздно, я вошла въ домъ.

— Онъ тутъ? спросила я, какъ только что дверь затворилась за нами.

— Да, въ саду, отвѣчала Зура.

Я бросилась туда. Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ ко мнѣ на встрѣчу... Обезумѣвъ отъ страха, я схватила его за руку и потащила къ изгороди, умоляя его бѣжать скорѣе, спасаться...

— За мной слѣдили, если васъ найдутъ здѣсь, пощады не будетъ!

Онъ съ изумленіемъ смотрѣлъ на меня.

— Бѣжать? Но кто же будетъ защищать васъ?

По выраженію его лица я поняла, что несчастный намѣренъ сопротивляться...

Вдругъ изъ дома выбѣжала Назли, а вслѣдъ затѣмъ раздался сильный стукъ въ наружную дверь.

— Милый! умоляю тебя, скройся, скройся! кричала я, внѣ себя отъ страха.

— Я твоя, я люблю тебя, спаси себя, спаси насъ!..

На порогѣ появилась Зура, вся блѣдная и дрожащая. Стукъ не прекращался и съ каждой минутой дѣлался все сильнѣе и сильнѣе.

— Вернитесь въ домъ, вернитесь скорѣе, закричала она мнѣ.

Я отвѣчала, что не тронусь съ мѣста.

— Пусть насъ тутъ убьютъ вмѣстѣ...

Совсѣмъ стемнѣло, но все-таки я видѣла какъ страшно онъ поблѣднѣлъ. А между тѣмъ въ дверь все продолжали стучать. Вдругъ онъ рѣшился, и крѣпко обнявъ меня, поцѣловалъ поверхъ покрывала, а затѣмъ торопливо прошепталъ:—Моя жизнь принадлежитъ тебѣ... Иди, иди, они меня не найдутъ...

Онъ вырвался изъ моихъ объятій и бросился бѣжать.

Мы поспѣшно вернулись въ домъ. Заперевъ за собой входъ въ садъ, Зура отперла дверь дома. На порогѣ появилась Оснахъ въ сопровожденіи своихъ евнуховъ. Откинувъ порывистымъ движеніемъ свое покрывало, она оглянула быстрымъ взглядомъ комнату, а затѣмъ съ искаженнымъ отъ гнѣва лицомъ кинулась на Зуру и ударила ее въ лицо.

Несчастная вскрикнула отъ боли и гнѣва.

— Ты не имѣешь права бить меня, я не невольница, проговорила она, гордо выпрямляясь.

— Почему ты такъ долго не отворяла намъ? спросила Оснахъ.

— Мы были въ саду... Да къ тому же домъ этотъ принадлежитъ мнѣ, я здѣсь хозяйка, отвѣчала Зура.

— Да, похвальнымъ ремесломъ ты занимаешся въ домѣ, нечего сказать!..

Сестра моя обернулась къ своимъ людямъ и приказала имъ произвести здѣсь обыскъ.

Это нахальство вывело меня, наконецъ, изъ моего оцѣпенѣнія.—Какъ ты смѣешь оскорблять эту женщину? вскричала я.

— А! И ты, наконецъ, заговорила! злобно усмѣхнулась она. — Но здѣсь не мѣсто для объясненій...

И, снова обращаясь къ евнухамъ, она продолжала:

— Приказываю вамъ немедленно все здѣсь обшарить и обыскать, домъ, садъ, все, до послѣдняго уголка!

Я бросилась къ двери, чтобъ загородить имъ дорогу, но по знаку госпожи евнухи грубо оттолкнули меня и кинулись въ садъ, тамъ никого уже не было и Оснахъ была внѣ себя отъ ярости.

— Ты отвѣтишь передъ отцомъ за такое насиліе, сказала я, немного успокоенная неудачными поисками ея клевретовъ.

Но едва только успѣла я произнести эту угрозу, какъ одинъ изъ ея слугъ, вернувшись изъ сада, шепнулъ ей что-то на ухо. На лицѣ ея выразилась радость.

— Ты его видѣлъ? спросила она.

— Да, онъ перескочилъ черезъ изгородь. Юсуфъ и Ахметъ бросились ему въ догонку...

У меня вырвался крикъ ужаса. Оснахъ обернулась ко мнѣ.

— Ты слышишь, что онъ говоритъ? Въ саду былъ мужчина, теперь это ясно... У тебя съ нимъ было свиданіе, прелестно!

Я не въ силахъ была дальше лгать и притворяться.

— Ну да, я его люблю, проговорила я, не спуская съ нея пристальнаго взгляда,—что же касается до моего брака съ Магометомъ, этому никогда не бывать!

Она отвѣчала мнѣ презрительнымъ смѣхомъ.

— Ты все это можешь разсказать отцу, а теперь я сама довезу тебя домой.

Сопротивляться было бы напрасно. Гордо поднявъ голову, я пришла къ моей каретѣ, она сѣла рядомъ со мной и мы молча доѣхали.

— До завтра, объявила она мнѣ на прощаніе.

Можешь себѣ представить въ какомъ волненіи провела я ночь? Какъ тоскливо сжималось мое сердце при мысли о несчастномъ изгнанникѣ и о рѣшительномъ разговорѣ, который я должна была имѣть на другой день съ отцомъ! Послѣ всего того, что произошло, послѣ того какъ Оснахъ знаетъ о моей любви къ другому, всякая связь между мной и Магометомъ должна быть порвана навсегда и бракъ мой съ нимъ немыслимъ... Мало по-малу я успокоилась и снова начала надѣяться... Надо во всемъ сознаться отцу, во всемъ... Гассанъ бѣденъ и въ опалѣ, это правда, но по рожденію, по умственному развитію и по душевнымъ свойствамъ онъ много выше Магомета, почему же ему не быть моимъ мужемъ?

(*Окончаніе слѣдуетъ.*)

(Къ роману «Иза» № 25 Жив. Об.—Ч. III. Гл. VII.) Шади бросился на Гудара.

Иза.

Романъ **А. Бувье.**

(*Окончаніе.*)

Глава X.

Новый капризъ Изы.

Мы не будемъ распространяться о впечатлѣніи, произведенномъ на всѣхъ присутствующихъ смертью Гудара; приглашенный медикъ засвидѣтельствовалъ, что смерть произошла внезапно. Чиновники совершенно справедливо выразили изумленіе, что во время обыска не былъ найденъ ядъ, очевидно, спрятанный Гударомъ на тотъ случай, если бы не подѣйствовало на его жертву отравленное вино. Подъ диктовку императорскаго прокурора былъ составленъ протоколъ, оканчивающійся слѣдующими словами: «Обвиняемый, тщетно пытавшійся оговорить, какъ сообщницу въ своемъ преступленіи, г-жу Изу Сегленъ, но, уличенный ею, сознался, что онъ одинъ совершилъ его; въ припадкѣ бѣшенства, онъ кинулся къ небольшому шкафу, находившемуся въ комнатѣ, разбилъ дверцу его, взялъ тамъ пузырекъ съ ядомъ, быстро поднесъ его ко рту» и т. д.

Судебные чиновники удалились, поручивъ Гюре призвать полицейскаго комисара и унести трупъ.

Сперва сильно напугавшаяся, Иза легко вздохнула, когда медикъ засвидѣтельствовалъ смерть Гудара. Она была спасена. Гюре не могъ скрыть своего изумленія, услышавъ, что прокуроръ утѣшаетъ и извиняется передъ нею, что заставилъ ее перенести такую ужасную сцену. Въ заключеніе онъ сказалъ ей, что она свободна.

— Слѣдовательно я могу уѣхать? спросила она.

— Да, но подъ условіемъ, что вы не выѣдете изъ Парижа, пока вамъ формально не дадутъ знать, что вы можете располагать собою, какъ вамъ будетъ угодно.

Замѣтя безпокойство на лицѣ Изы, онъ закончилъ:

— Но вы можете быть покойны, мы положительно убѣдились въ вашей невиновности.

— Я просила у васъ разрѣшенія, сказала Иза прокурору, когда они вмѣстѣ спускались съ лѣстницы,—самой сообщить Морису Ферану объ его освобожденіи.

— Къ моему огорченію, я долженъ отвѣтить вамъ, что это невозможно. Но могу сказать вамъ, что тотчасъ же будетъ подписанъ приказъ объ его освобожденіи. Вы можете скоро увидѣться съ этимъ молодымъ человѣкомъ.

— Онъ сегодня же выйдетъ изъ тюрьмы?

— Да.

На лицѣ Изы выразилось удовольствіе, она пріятно улыбнулась; она успѣла уже позабыть о впечатлѣніи, произведенномъ на нее смертью Гудара.

— А въ которомъ часу будетъ освобожденъ несчастный молодой человѣкъ? снова спросила она.

— Въ четыре, отвѣчалъ письмоводитель.

— Очень вамъ благодарна, сказала она.

Между тѣмъ были поданы экипажи. Прокуроръ помогъ Изѣ сѣсть въ ея карету.

— Я васъ попрошу, милая дама, сказалъ онъ, улыбаясь и пожимая ей руку, — помнить, что вамъ дана свобода пока на извѣстныхъ условіяхъ. Поѣзжайте домой и ждите, какъ я уже говорилъ вамъ, офиціальнаго сообщенія, что вы свободны, какъ вѣтеръ.

— Точно послѣдую вашему совѣту; когда же получу я это офиціальное сообщеніе?

— Не позже завтрашняго дня... но, можетъ быть, и сегодня.

— Позвольте поблагодарить васъ за ваше вниманіе ко мнѣ.

— Вѣрьте, что правосудіе не всегда бываетъ такимъ строгимъ, какъ его изображаютъ. Discite justitiam moniti et non tenuere divos.

И довольный, что выпалилъ стихомъ Виргилія, котораго Иза, разумѣется, не поняла, прокуроръ поклонился ей и усѣлся въ карету вмѣстѣ съ слѣдователемъ и письмоводителемъ.

— Что думаете вы обо всемъ этомъ? спросилъ онъ слѣдователя.

— Эта женщина виновна.

— Что вы говорите?

— Виновна безсознательно; любовь къ этому негодяю побудила ее дѣйствовать.

— Но, конечно, не она натолкнула его на преступленіе?

— Безъ сомнѣнія, не она.

— Слѣдовательно, мы добились истины и не совершили несправедливости. Однакожь, какъ добра эта куртизанка: прежде всего она заботится о томъ, чтобы испросить прощеніе у Ферана за зло, причиненное ему ея молчаніемъ.

Иза торопила кучера; ей хотѣлось какъ можно скорѣе пріѣхать домой. «Только бы пришелъ онъ во время», думала она дорогой. Черезъ полчаса она была уже дома, гдѣ ее встрѣтила Жюстина. Новые слуги, нанятые Вершемономъ, были распущены и замѣщены прежними слугами Изы. Со дня ареста Изы, Оскаръ не показывался у нея въ домѣ; по совѣту дю-Тальи онъ уѣхалъ на время изъ Парижа.

Изу ждали и тотчасъ же подали ей завтракать. Но не дотрогиваясь до кушанья, хотя ей очень хотѣлось ѣсть, она позвала кучера и лакея и отдала имъ приказанія. Потомъ, наскоро позавтракавъ, она сказала Жюстинѣ:

— Ну, Жюстина, надо намъ теперь заняться моимъ туалетомъ. Я должна быть сегодня очень хороша собой.

Черезъ четверть часа карета Изы съ лакеемъ на козлахъ выѣхала со двора; безъ четверти въ четыре часа она остановилась у воротъ Мазасской тюрьмы. Лакей вошелъ въ пріемную комнату и спросилъ, выпущенъ-ли на свободу арестованный Морисъ Феранъ. Получивъ отрицательный отвѣтъ, лакей попросилъ передать г. Ферану, что его ожидаетъ карета у воротъ.

Въ четыре часа десять минутъ Морисъ вышелъ изъ тюремныхъ воротъ. Вдохнувъ въ себя свѣжій воздухъ, молодой человѣкъ почувствовалъ головокруженіе и вынужденъ былъ прислониться къ стѣнѣ. Тутъ онъ вспомнилъ, что его предупредили объ ожидавшей его каретѣ. Въ эту минуту къ нему подошелъ лакей.

— Не съ Морисомъ-ли Фераномъ я имѣю честь говорить? спросилъ онъ.

— Да.

— Графиня Зинтская проситъ г. Ферана пожаловать къ ней сейчасъ, для чего отдаетъ въ его распоряженіе свою карету.

— Графиня Зинтская! повторилъ озадаченный Морисъ.

Въ послѣднее время онъ привыкъ повиноваться онъ сѣлъ въ карету и лошади тронулись крупной рысью.

Во всю дорогу Морисъ не могъ придти въ себя; странныя мысли волновали его; точно героя волшебной сказки, его похищаетъ какая-то фея. Только полчаса тому назадъ онъ узналъ, что состоялся приказъ объ его освобожденіи. Со времени судебнаго засѣданія, онъ ни на минуту не могъ успокоиться, до такой степени были возбуждены его нервы. Сперва онъ каждую минуту ждалъ, что его освободятъ, затѣмъ ему пришло на мысль, что его позабыли. Не имѣя возможности знать о томъ, что происходило за тюремными стѣнами, онъ не зналъ объ арестѣ Гудара, — не зналъ онъ, которому знать это было необходимѣе, чѣмъ всякому другому. Мало того, такъ какъ новый слѣдователь приступилъ къ новому слѣдствію, Мориса, какъ лицо прикосновенное, снова засадили въ секретную. По этому самому письма, присланныя ему сестрою и Сесилью, не были ему доставлены. Не зная о смерти Гудара, онъ считалъ, что не смотря на разъѣздъ съ мужемъ, Сесиль по закону все-таки остается женою Клячи. Пользуясь своимъ правомъ, Гударъ можетъ надѣлать много непріятностей своей женѣ. Находясь подъ давленіемъ мрачныхъ мыслей и неизвѣстности, Морисъ получилъ разрѣшеніе выйдти изъ тюрьмы. Радостное извѣстіе произвело на него слабое впечатлѣніе; оно только побудило его къ печальнымъ размышленіямъ. Его несправедливо продержали четыре мѣсяца въ тюрьмѣ, его оскорбляли, на него клеветали, его водили подъ конвоемъ жандармовъ и полицейскихъ, перевозили изъ тюрьмы въ тюрьму и кончилось все это тѣмъ, чѣмъ должно было начаться: признаніемъ его невиновнымъ. Развѣ можно вознаградить его чѣмъ-нибудь за всѣ эти страданія? Его выбрасываютъ изъ тюрьмы и думаютъ, что этого достаточно, что онъ долженъ почесть себя счастливымъ! Но какъ ни грустны были его размышленія, онъ все-таки радовался, сознавая себя на свободѣ.

Сидя въ каретѣ и покачиваясь на эластической подушкѣ, Морисъ почувствовалъ, что сильный запахъ духовъ ударилъ ему въ голову. Мысли его еще болѣе спутались. Тщетно онъ припоминалъ, кто такая эта графиня Зинтская, вздумавшая, повидимому, принять въ немъ горячее участіе,—онъ ея не зналъ, никогда не видѣлъ и рѣшилъ, что, вѣроятно, эта графиня принадлежитъ къ числу дамъ-благотворительницъ, интересующихся участью несчастныхъ, попавшихъ въ тюрьму несправедливо, по стеченію случайныхъ обстоятельствъ, и не имѣющихъ возможности устроиться тотчасъ по выходѣ изъ тюрьмы. Морисъ думалъ, что дама, къ которой онъ теперь ѣхалъ, намѣрена предложить ему какія-нибудь занятія, пока онъ не отыщетъ постоянной работы. Бѣдняга не зналъ, что дамъ, принадлежащихъ къ такому благотворительному обществу и самого общества въ Парижѣ нѣтъ; не пришло ему въ голову, что на каждаго, вышедшаго изъ тюрьмы, хотя бы и посаженнаго туда по непростительной ошибкѣ, смотрятъ подозрительно и трудно бываетъ бѣдному снова завоевать себѣ симпатію своихъ ближнихъ.

Карета въѣхала во дворъ и остановилась у подъѣзда. Поднявшись на верхъ по роскошной лѣстницѣ, Морисъ вошелъ въ первую комнату, гдѣ его ждала Жюстина.

— Слѣдуйте за мною, сказала она.

Совершенно растерявшійся Морисъ послѣдовалъ за горничной и она привела его въ роскошный будуаръ Изы. Здѣсь молодой человѣкъ окончательно растерялся; онъ помѣстился подлѣ камина, держа въ обѣихъ рукахъ свою круглую шляпу. Морисъ былъ одѣтъ опрятно: въ тюрьмѣ онъ носилъ арестантскій костюмъ, а его почти новое платье хранилось въ тюремномъ магазинѣ; невольное содержаніе въ тюремномъ заключеніи свело загаръ съ его рабочихъ рукъ и онѣ сдѣлались теперь нѣжны и бѣлы. Онъ былъ очень красивъ собою; нѣкоторая застѣнчивость придавала ему особенную привлекательность. Жюстина просила его садиться, но онъ продолжалъ стоять и, когда она ушла, сталъ тревожно ожидать разъясненія своего таинственнаго приключенія.

Но вотъ поднялась портьера и показалась Иза, одѣтая—лучше сказать, полураздѣтая — въ костюмъ, имѣющій характерное названіе «дезабилье»; пріятно улыбаясь, подошла она къ молодому человѣку, распространяя въ комнатѣ сильный запахъ духовъ, который и въ каретѣ подѣйствовалъ одуряюще на Мориса. Онъ невольно подался назадъ и опустилъ глаза. Онъ былъ восхищенъ, очарованъ. Иза взяла его за руку и почти насильно усадила его на кушетку.

— Благодарю васъ, г. Феранъ, сказала она,— что вы согласились исполнить мою просьбу.

Онъ поднялъ глаза и съ удивленіемъ посмотрѣлъ на Изу; онъ припомнилъ теперь, что видѣлъ ее въ судѣ. Онъ ничего не отвѣчалъ и Иза продолжала:

— Г. Феранъ, я желала васъ видѣть для того, чтобы попросить у васъ прощеніе.

— Прощеніе... у меня!.. Я васъ не понимаю.

— Я была причиной вашего ареста и содержанія въ тюрьмѣ.

— О, что вы мнѣ говорите!.. Такъ по вашему доносу... но я васъ не знаю.

— Нѣтъ, не то, слушайте.

Иза подвинулась совсѣмъ близко къ молодому человѣку и посмотрѣла ему прямо въ глаза; чувствуя на себѣ ея нѣжный, страстный взглядъ, невольно прикасаясь къ ея тѣлу, прикрытому легкой, прозрачной тканью, Морисъ совсѣмъ потерялъ голову. Онъ слушалъ, не слыша, а Иза старалась держать его все время подъ магнетическимъ дѣйствіемъ своихъ прекрасныхъ глазъ.

— Да, я знала виновнаго, продолжала она,— и чувство жалости, на этотъ разъ совершенно неправильное, побуждало меня хранить мою тайну; только увидя васъ погибающимъ, слыша, какъ благородно защищаетесь вы отъ неправильно взведеннаго на васъ обвиненія, я три дня тому назадъ разсказала все судебному слѣдователю. Виновный арестованъ и во всемъ сознался и я добилась приказа объ вашемъ освобожденіи.

— Такъ это вамъ я обязанъ своей свободой? О, благодарю васъ! О, чѣмъ могу доказать я свою признательность за вашу доброту!

Иза взяла его за обѣ руки и, подвинувшись еще ближе, страстно посмотрѣла ему въ глаза.

— Любить меня! отвѣчала она.

Ударъ былъ нанесенъ такъ быстро и внезапно, что Морисъ не зналъ, что отвѣтить и только покраснѣлъ до корня волосъ. Но взглядъ Изы показывалъ, что она съ нетерпѣніемъ ожидаетъ отвѣта. Показывая видъ, что онъ не понялъ ея словъ, и низко опуская глаза, Морисъ сказалъ:

— Я много страдалъ, графиня, и, пока буду живъ, никогда не забуду радостной минуты, которой вамъ обязанъ. Быть свободнымъ — что можетъ быть дороже этого для человѣка?

Иза, какъ мы знаемъ, была не изъ тѣхъ женщинъ, которыя отступаютъ передъ неудачей; она подумала, что молодой человѣкъ очень застѣнчивъ и потому слѣдуетъ ободрить его.

— Съ той минуты, какъ я услышала вашу защиту на судѣ, меня гложатъ угрызенія совѣсти и я желаю искупить сдѣланную ошибку.

Морисъ почувствовалъ, что кровь кидается ему въ голову; онъ находилъ теперь очаровательной красивую женщину, почти лежащую въ его объятіяхъ.

— Но почему вы покровительствовали этому человѣку? спросилъ онъ робко, дрожащимъ голосомъ.

— Я была съ нимъ знакома, а васъ совсѣмъ не знала... Но съ той минуты, когда я увидѣла васъ въ судѣ, услышала разсказъ о героической жертвѣ, принесенной вами для женщины, которая васъ забыла...

— О, не говорите этого! вскричалъ Морисъ.

— Но, несчастный, вы не знаете... Спасали не васъ этимъ показаніемъ, а желали имѣть законный поводъ къ расторженію брака... Ваша любовница начала процесъ съ своимъ мужемъ.

— Сесиль меня любитъ.

— Вы безумецъ. Сесиль никого не любитъ... она завела дѣло съ своимъ мужемъ съ единственной цѣлью завладѣть его деньгами, отданными ея отцу...

— Все, что вы говорите...

— Истинная правда. Если бы она васъ дѣйствительно любила, развѣ бы она не сдѣлала того раньше, на что была вынуждена въ послѣднюю минуту? Теперь вы свободны, но одиноки; васъ совсѣмъ забыли; я увѣрена, что о васъ тамъ не говорятъ, а она, можетъ, быть сожалѣетъ о своемъ поступкѣ. Морисъ, ты одинокъ... Но тебя любитъ одна женщина: это я. Должно быть, моя любовь велика, если я, вопреки всякимъ приличіямъ, сознаюсь тебѣ въ ней и прошу тебя дать мнѣ твою любовь!

И она стала передъ нимъ на колѣни и склонила голову. Бѣдный молодой человѣкъ, растерявшійся, покраснѣвшій, бормоталъ что-то. Наконецъ, желая поднять Изу, онъ схватилъ ее за руки; она воспользовалась этимъ и очутилась въ его объятіяхъ.

Этого было слишкомъ для скромнаго рабочаго, знавшаго только поэтическую любовь Сесили, для которой онъ принесъ такую героическую жертву. Онъ не имѣлъ никакого понятія о страстныхъ ласкахъ, о безумной любви, какія предлагала ему Иза. Немудрено, что любовь этой куртизанки опьянила его; невѣдомый до сихъ поръ огонь пожиралъ его; кончилось тѣмъ, что онъ сознался самому себѣ, что и самъ страстно любитъ Изу.

Все помогало капризу этой женщины; наступали сумерки, въ будуарѣ стемнѣло; догоравшіе уголья въ каминѣ бросали фантастическій свѣтъ.

Иза страстно прильнула къ губамъ молодого человѣка; ея страсть передалась и ему.

— Морисъ, любишь-ли ты меня? прошептала она.

— Да, я тебя люблю, отвѣчалъ онъ и еще крѣпче сжалъ ее въ своихъ объятіяхъ.

Вдругъ сильно постучали въ дверь будуара; взбѣшенная Иза соскочила съ колѣнъ молодого человѣка и подбѣжала къ двери.

— Что тамъ такое? спросила она сердито.

— Сударыня, отвѣчала Жюстина, — пришли полицейскіе; они идутъ за мною.

При словѣ «полицейскіе», Морисъ вскочилъ, дрожа всѣмъ тѣломъ.

Иза поблѣднѣла; она поспѣшила привести въ порядокъ свой разстегнувшійся пеньюаръ.

Быстро растворивъ дверь, полицейскій агентъ вошелъ въ комнату. Узнавъ его при свѣтѣ лампы, которую поспѣшила зажечь горничная, Иза отскочила въ сторону.

— Опять вы! вскричала она. — Что вамъ угодно.

— Я имѣю приказаніе арестовать васъ, отвѣчалъ Гюре.

— Арестовать! меня?

— Да, сказалъ Гюре съ злой улыбкой.—Арестовать затѣмъ, чтобы препроводить васъ заграницу.

— У меня здѣсь есть дѣла, которыя я не могу оставить.

— Ничего этого не знаю. Я обязанъ исполнить приказаніе, т. е. немедленно арестовать васъ, отвезти васъ на желѣзную дорогу и сопровождать васъ до границы.

— Сегодня вечеромъ? спросила Иза тревожно.

— Сейчасъ.

— И вы не дадите мнѣ для сбора нѣсколькихъ часовъ.

— Я дамъ вамъ столько времени, сколько необходимо для того, чтобы уложить вещи въ чемоданъ.

Морисъ былъ скандализованъ тономъ агента, но онъ не осмѣливался вступиться за Изу, такъ пугала его полиція. Иза поняла, что ей ничѣмъ не уломать агента и почувствовала къ нему страшную ненависть.

— Повинуюсь вамъ, сказала она;—я знаю, какую злобу питаете вы ко мнѣ.

— Я цѣню васъ такъ, какъ вы стоите. Даю вамъ двадцать минутъ для укладки необходимыхъ вещей.

Иза подошла къ Морису, забившемуся въ уголъ и заговорила съ нимъ шепотомъ.

— Жюстина скажетъ вамъ, закончила она и удалилась вмѣстѣ съ Жюстиной въ свою уборную.

Войдя въ комнату, Гюре не замѣтилъ Мориса. Теперь же, увидя его, агентъ быстро подскочилъ къ нему.

— Вы! здѣсь? спросилъ онъ съ изумленіемъ.

Морисъ, незнавшій его, вообразилъ, что агентъ снова арестуетъ его. Видя его смущеніе, Гюре продолжалъ:

— Плачутъ, ожидая васъ, потому что знаютъ, что вы освобождены, а вы свой первый визитъ дѣлаете этой дѣвкѣ.

— Кто меня ожидаетъ?

— Сесиль, ваша сестра и ваши друзья, которые сдѣлали все, что было въ ихъ силахъ, для вашего освобожденія.

— Меня ждутъ? Но мнѣ говорили, что, напротивъ, меня не желаютъ видѣть и что своей свободой я обязанъ графинѣ Зинтской.

— Она увѣрила васъ, что она графиня. Негодяйка! она способна на все! Забудьте эту дѣвку, г. Феранъ, и бѣгите въ улицу Франсуа, гдѣ, вѣроятно, думаютъ теперь, что васъ выпустятъ только завтра. Сесиль—вдова и ожидаетъ васъ; бѣгите, вы найдете ихъ веселыми, занятыми приготовленіями къ завтрашнему празднику въ честь вашего возвращенія.

— Вдова! вскричалъ Морисъ съ восторгомъ.— Она вдова!

— И ожидаетъ васъ.

— О, благодарю васъ, благодарю, сказалъ Морисъ, пожимая руку агенту,—но прошу васъ, не говорите никогда, что видѣли меня здѣсь.

— Идите и любите ее. Сесиль нуждается въ вашей любви.

Счастливый Морисъ бѣгомъ пустился въ улицу Франсуа. Подойдя къ двери дома Тюссо, онъ сперва не рѣшался позвонить, наконецъ, взялся за звонокъ, дверь отворилась и онъ вошелъ въ освѣщенную столовую.

Глава XI.

Конецъ длинной исторіи.

Вся семья Тюссо сидѣла за столомъ. Когда утромъ пришло извѣстіе о смерти Гудара, его жена бросилась въ объятія своей матери и прошептала:

— Теперь, мама, ты можешь жить спокойно, съ нимъ умерла и твоя тайна.

Самъ Тюссо былъ такъ доволенъ, что въ этотъ же день хотѣлъ сдѣлать пиръ; его едва уговорили, чтобы онъ не пѣлъ. Сѣли за обычный обѣдъ. Пальяръ замѣтилъ, что Мориса должны непремѣнно освободить и, вѣроятно, они увидятъ его завтра.

— Знаете что, мои дѣти, сказалъ Тюссо,— завтра мы пойдемъ въ Мазасскую тюрьму и тамъ подождемъ Мориса; ему пріятно будетъ увидѣть насъ, своихъ друзей, тотчасъ по выходѣ изъ тюрьмы. Впрочемъ, какъ скажетъ Сесиль, такъ мы и поступимъ.

Раздался звонокъ.

— Кто бы это могъ быть? сказалъ Тюссо.

Адель нахмурила брови, точно опасаясь, что сейчасъ явится Гударъ.

— Мертвые не возвращаются, сказала Сесиль, какъ бы отвѣчая на мысли матери.

— Войдите, закричалъ Тюссо.

Дверь отворилась и вошелъ Морисъ.

— Это я, сказалъ онъ, глухо, точно ему трудно было говорить.

Произошло смятеніе. Амели и Сесиль бросились поддержать Мориса, который зашатался отъ волненія.

— Это онъ! это Морисъ! Скорѣе, скорѣе! приборъ! Наконецъ-то! раздались восклицанія со всѣхъ сторонъ.

Морисъ прежде всѣхъ поцѣловался съ сестрой, а потомъ обернулся къ Сесиль. Оба они съ любовью смотрѣли другъ на друга.

ВОЙНА СЪ ЗУЛУСАМИ.

Сожженіе непріятельскихъ жилищъ.

Рѣзано на деревѣ въ «Варшавской политипажнѣ» въ С.-Петербургѣ.

ЛОНДОНСКАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ВЫСТАВКА 1879 Г.

КАРТИНА Т. ДАВИДСОНА.



„Часы бѣгутъ“.

Рѣзано на деревѣ въ «Варшавской политипажнѣ» въ С.-Петербургѣ.

— Милый другъ, сказала Сесиль, — теперь я опять твоя жена; я и не была ничьею женою; я всегда оставалась вѣрна тебѣ, мой Морисъ.

— Моя жена! вскричалъ онъ съ восторгомъ.

И онъ упалъ передъ нею на колѣни.

— Что ты! сказала Сесиль, поднимая его. — Ты, Морисъ, на колѣняхъ, ты, столько выстрадавшій за меня, готовый умереть за меня!

Морисъ покраснѣлъ, вспомнивъ объ Изѣ, но все-таки былъ доволенъ, что имѣлъ нѣкоторое право отвѣтить:

— Жизнь безъ тебя, Сесиль, для меня не жизнь.

Они бросились въ объятія другъ другу и поцѣловались долгимъ поцѣлуемъ.

— Будетъ съ тебя, сказалъ Тюссо, — дай и намъ съ нимъ облобызаться... Ну, зять, извини меня; я получилъ горькій урокъ за свою глупость.

Расцѣловавшись, всѣ сѣли за столъ. Конечно, Морису поспѣшили сообщить, что Пальяру необходимо было его освобожденіе для того, чтобы получить отъ него согласіе на бракъ его сестры. И Шади нуженъ былъ скорѣе свидѣтель, потому что Дениза не желаетъ ждать.

— Знаете, я люблю дѣтей, сказалъ Шади, — и не желаю, чтобы мой считался незаконнорожденнымъ. Дениза говоритъ, что надо спѣшить. Ну, вотъ, мы и порѣшили сыграть свадьбу.

— Начнемъ же сегодня свадебный пиръ, сказалъ Тюссо. — Шади, сходимъ въ погребъ и захватимъ тамъ кое-что. Мы найдемъ старый помаръ... 1857 года. Идемъ же.

И обѣдъ протянулся такъ долго, что послѣ него пора уже было расходиться спать.

Въ домѣ у Тюссо сидѣли еще за столомъ, когда брюссельскій поѣздъ остановился на станціи Куртре въ часъ пополуночи. Агентъ Гюре сошелъ на платформу; узнавъ его, какой-то господинъ, видимо, съ нетерпѣніемъ ждавшій прихода поѣзда, быстро подошелъ къ тому купе, изъ котораго вышелъ агентъ. Тамъ сидѣла женщина, которая, казалось, только-что проснулась; вошедшій мужчина упалъ къ ея ногамъ и схватилъ ея руки; узнавъ его, она вскричала весело:

— Ты!.. Оскаръ!

— Я не хотѣлъ оставить тебя, бѣдная жертва людской несправедливости; я знаю, что ты невиновна и хочу жить и умереть вмѣстѣ съ тобою.

— О, я не обманулась, полюбивъ тебя, отвѣчала она, нѣжно цѣлуя его. — Одинъ ты достоинъ моей любви.

И поѣздъ ушелъ, увозя Оскара де-Вершемона и Изу.



Іосифъ Крашевскій.

Біографическій очеркъ П. В. Быкова.

18-го сентября извѣстный литераторъ Іосифъ Крашевскій празднуетъ пятидесятилѣтній юбилей своей литературной дѣятельности. Едва-ли кто-нибудь изъ современныхъ польскихъ писателей пользуется такимъ уваженіемъ и успѣхомъ, такой обширной популярностью, какъ Крашевскій, —неутомимый труженикъ, своей необыкновенной плодовитостью и удивительнымъ разнообразіемъ таланта представляющій феноменальное явленіе между остальными европейскими писателями второй половины текущаго столѣтія. Та симпатія, та громадная популярность, которыми онъ давно пользуется у своихъ соотечественниковъ, достались ему недаромъ; онѣ заслужены имъ вполнѣ. На всѣхъ произведеніяхъ его лежитъ отпечатокъ дарованія и художественнаго таланта; въ нихъ всегда затронутъ какой либо современный вопросъ, хотя, въ большинствѣ случаевъ, онъ обыкновенно проводится не столько умомъ, сколько сердцемъ; внимательно анализируя всевозможныя общественныя положенія и пытаясь объяснить ихъ, Крашевскій всегда, болѣе или менѣе удачно, умѣетъ разрѣшать вопросы, въ данный моментъ интересующіе и волнующіе общество, на всестороннее изученіе котораго онъ посвятилъ немало времени. И онъ успѣлъ до мелочей проштудировать современное общество, вполнѣ понялъ на какой ступени стоитъ оно въ нравственномъ отношеніи и сдѣлалъ ему довольно вѣрную, безпристрастную оцѣнку въ своихъ произведеніяхъ. Какъ настоящій патріотъ, горячо любящій свою націю, онъ нисколько не стѣснился высказать польскому народу горькую правду, обнаружить передъ нимъ тѣ язвы его, которыя съ давнихъ временъ парализуютъ лучшія его силы, и это одна изъ важныхъ заслугъ почтеннаго писателя. Онъ сознавалъ вполнѣ, что, поступая такимъ образомъ, идетъ наперекоръ всѣмъ понятіямъ и мнѣніямъ высшихъ, аристократическихъ классовъ польскаго общества и все-таки неуклонно шелъ разъ избранной дорогой, мужественно исполняя взятую имъ на себя миссію, въ той твердой увѣренности, что, рано или поздно, все молодое, свѣжее, вся мыслящая часть общества оцѣнитъ его стремленія, воздастъ ему должное. И онъ не ошибся въ своихъ ожиданіяхъ: эта большая часть читающей публики была всегда съ нимъ заодно, постоянно ему глубоко симпатизировала.

Крашевскій—большой сердцевѣдъ; онъ умѣетъ подмѣчать малѣйшія движенія человѣческаго сердца, обладаетъ рѣдкой способностью дѣлать тонкій анализъ самымъ тайнымъ побужденіямъ человѣка, самымъ сокровеннымъ думамъ нашимъ; онъ такъ правильно, такъ хорошо можетъ изобразить человѣческую личность со всѣми страстями, стремленіями, привычками, что каждый изумляется, находя въ описаніи внутренняго міра какого либо лица, изображаемаго Крашевскимъ, совершенное подобіе съ своимъ собственнымъ; проницательность и наблюдательность писателя этого просто поразительны. Кромѣ того, онъ очень основательно знакомъ со всѣми слоями польскаго населенія; особенно хорошо знаетъ онъ простой народъ, потому что изучалъ его не по книжкамъ и журнальнымъ статьямъ и не сидя въ кабинетѣ, а непосредственно сближаясь съ нимъ. При такихъ условіяхъ его произведенія конечно должны отличаться полнымъ знаніемъ предмета, правдивостью, вѣрностью изображеній. Всѣ лица нетолько его большихъ историческихъ и бытовыхъ романовъ и повѣстей, но и мелкихъ очерковъ исполнены жизненной правды, типичны, характерны. Владѣя обширными познаніями, живымъ богатымъ воображеніемъ и неподдѣльнымъ остроуміемъ, Крашевскій умѣетъ сразу заинтересовать, увлечь читателя, даже и тогда, когда разсказываетъ повидимому самый простой, незатѣйливый сюжетъ. Нерѣдко вы встрѣтите въ его произведеніяхъ много тонкаго, безпощаднаго юмора, но этотъ юморъ однако же самаго безобиднаго свойства, потому что маститый писатель обладаетъ любящей, незлобивой душой. Оттого, если онъ и бичуетъ общественныя язвы, караетъ порокъ или осмѣиваетъ предразсудки, пустыя увлеченія, мелкія страстишки и прочіе недостатки современнаго общества, то дѣлаетъ это съ прискорбіемъ, съ глубокимъ сожалѣніемъ; у него постоянно преобладаетъ гуманность, смягчающая рѣзкость мрачныхъ, тяжелыхъ картинъ и прошлаго и настоящаго, которыя иногда приходится ему рисовать; язвительная, рѣзкая сатира современныхъ нравовъ утрачиваетъ у него свое гнетущее, подавляющее впечатлѣніе, благодаря этому гуманному чувству, въ силу того, что авторъ всегда старается найти и на самомъ темномъ фонѣ свѣтлыя точки, и въ душѣ порочнаго, испорченнаго субъекта отыскиваетъ добрыя начала, человѣческія черты. Въ этомъ отношеніи дарованіе его родственно съ дарованіемъ другого современнаго писателя—Альфонса Додэ.

Крашевскій въ совершенствѣ владѣетъ формой изложенія; слогъ его — чистый, сильный, блестящій, изложеніе—эфектное, вполнѣ художественное. Онъ мастерски рисуетъ и природу и людей и нерѣдко воспроизводитъ такія, замѣчательно поэтичныя страницы, такія потрясающія своимъ высокимъ драматизмомъ картины, которыя невольно заставляютъ биться усиленно сердце самого равнодушнаго человѣка, затрогиваютъ наиболѣе чувствительныя струны нашей души, изъ глубины которой онъ легко умѣетъ вызвать къ жизни самые честные порывы, самыя лучшія, благородныя побужденія. Всѣ эти неоспоримыя достоинства польскаго беллетриста, его недюжинный умъ, твердость убѣжденій, оригинальный талантъ, безпристрастный и свѣтлый взглядъ на вещи, его необыкновенная, благотворная дѣятельность, ставятъ Крашевскаго на ряду съ видными литературными знаменитостями нетолько Польши, гдѣ, послѣ Адама Мицкевича онъ самый популярный писатель, но и съ болѣе замѣчательными представителями современной европейской литературы. Хотя Крашевскій и соплеменный намъ писатель, но, къ сожалѣнію, наша читающая публика знакома съ нимъ, какъ говорится, только по наслышкѣ, по нѣсколькимъ его романамъ, переведеннымъ на русскій языкъ; въ виду этого мы считаемъ умѣстнымъ познакомить теперь нашихъ читателей съ краткимъ очеркомъ жизни и дѣятельности этого замѣчательнаго писателя,—друга и современника извѣстнаго польскаго поэта Сырокомли-Кондратовича и не менѣе извѣстнаго беллетриста Корженевскаго.

Іосифъ-Игнатій Крашевскій происходитъ изъ богатой дворянской фамиліи, ведущей свое начало изъ Мазовіи, и родился въ Варшавѣ 14 (26-го) іюля 1812 года. Дѣдъ его жилъ въ Романовѣ, на югѣ Украйны, въ прелестной, живописной мѣстности, въ домѣ котораго маленькій Іосифъ и провелъ лучшіе годы своего ранняго дѣтства; его прабабка и бабка были первыми его наставниками и усердно занимались воспитаніемъ своего любимаго внука, составлявшаго отраду ихъ жизни, съ которымъ добрыя старушки безъ устали возились постоянно. Крашевскій, описывая впечатлѣнія своего дѣтства, называетъ это время самымъ счастливымъ въ своей жизни; оно сохранилось у него въ памяти до мельчайшихъ подробностей. Изъ собственныхъ его разсказовъ о той порѣ, мы узнаемъ, что страсть къ сочинительству, проблески творчества обнаружились у дитяти очень рано: онъ еще совсѣмъ не умѣлъ писать, когда посредствомъ разрѣзной азбуки уже пробовалъ составлять сказки, маленькія исторійки и даже стихи, приводившіе въ неописанный восторгъ обѣихъ старушекъ, его воспитательницъ, пророчившихъ внуку блестящую, завидную будущность. Онъ былъ необыкновенно воспріимчивъ и любознателенъ; его все занимало, его интересовала каждая мелочь и онъ съ рѣдкой въ ребенкѣ наблюдательностью относился ко всему окружающему, съ нетерпѣніемъ ожидая того времени, когда ему можно будетъ уже поступить въ школу, гдѣ онъ жаждалъ найти столько пищи своему пытливому уму. Пора эта наступила скоро, мальчика отвезли въ подляшскій городъ Бялу (между Брестомъ и Варшавой) и опредѣлили въ школу Прейса — ректора такъ называемой «академіи». Тутъ-то онъ и получилъ первоначальное образованіе, выучился между прочимъ рисованію, дѣлалъ химическіе опыты и съ особенной жадностью предавался чтенію книгъ, которыя тайно добывались воспитанниками изъ библіотеки Бяльской академіи. Страсть къ книгамъ развилась въ



немъ совершенно случайно: въ библіотеку академіи присылалось въ подарокъ множество книгъ самаго разнообразнаго содержанія; тѣ изъ нихъ, которыя щеголяли красивыми переплетами, выставлялись въ стеклянныхъ шкафахъ на показъ, а остальныя, старыя, безцеремонно сваливались въ уголъ; изъ этого склада ученики и брали ихъ для прочтенія. Сперва Крашевскаго заняли помѣщенные въ нихъ рисунки, а потомъ живо заинтересовалъ и самый текстъ, — и съ той поры онъ сдѣлался отъявленнымъ «книгоѣдомъ», чтеніе стало для него необходимостью, любимѣйшимъ занятіемъ, которому онъ посвящалъ всѣ свои досуги.

Въ школѣ Прейса маленькій Іосифъ Крашевскій, какъ и дома, продолжалъ проявлять прежнія наклонности къ творчеству. И, по мѣрѣ того, какъ, подъ вліяніемъ ученія, а еще болѣе чтенія, развивались умственныя способности ребенка, съ каждымъ днемъ разгоралось въ немъ желаніе сочинять; онъ прежде всего обратилъ вниманіе на окружающіе предметы: изъ оконъ училища открывался, между прочимъ, видъ на обширное кладбище; оно каждый день было у него передъ глазами,—и вотъ однажды описаніе этого кладбища появилось на обложкѣ его географической тетради. Впослѣдствіи оно послужило Крашевскому основой для повѣсти «Панъ Валерій», а другое подобное произведеніе «Большой свѣтъ маленькаго мѣстечка» было основано на цѣломъ рядѣ воспоминаній о Бялѣ, въ школьные годы. Послѣ названнаго перваго опыта юнаго автора, всѣ учебныя тетрадки его и даже поля книгъ были испещрены подобными описаніями, между которыми попадались и стихотворныя упражненія. Изъ Бялы, для болѣе серьезныхъ занятій науками, бабка отвезла Іосифа въ люблинское училище, гдѣ поручила своего внука надзору професора математики; професоръ всѣми силами старался привить своему питомцу познанія этой точной науки, но послѣдній не обнаруживалъ ровно никакихъ способностей къ математикѣ. Онъ былъ одаренъ прекрасной памятью для запоминанія отдѣльныхъ фактовъ, чиселъ, именъ, но заучиваніе наизусть было для него всегда сущей пыткой, а, между тѣмъ, въ тѣ времена, въ школахъ считалось важнымъ даромъ; потому-то Крашевскій и получалъ далеко неудовлетворительныя отмѣтки и былъ въ числѣ послѣднихъ учениковъ, хотя по развитію стоялъ выше большинства своихъ товарищей; такого рода обстоятельства заставили его распроститься съ своимъ професоромъ и покинуть Люблинъ.

Онъ перебрался въ Свислочъ—городокъ, лежащій позади Бѣловѣжской Пущи, въ равнинѣ. Сначала, какъ значится въ нѣкоторыхъ его біографіяхъ, онъ поступилъ въ мѣстную гимназію, но потомъ вышелъ скоро оттуда и сталъ заниматься дома. Онъ дѣятельно принялся за изученіе русскаго языка, съ этой цѣлью перевелъ на польскій языкъ нѣсколько статей Карамзина; занимался классическими языками и собралъ довольно историческихъ матеріяловъ для польской лѣтописи. Кромѣ того, онъ самымъ усерднымъ образомъ знакомился съ своей родной литературой, для чего прочелъ множество польскихъ писателей стараго и новаго времени; онъ дѣлалъ выписки изъ литературныхъ памятниковъ XVI вѣка и написалъ брошюру — трактатъ о пословицахъ. Вообще тѣ 2 года, которые пришлось ему провести въ Свислочѣ, онъ велъ самую дѣятельную, трудовую жизнь и много работалъ надъ своимъ образованіемъ и развитіемъ, готовясь къ карьерѣ ученаго. Къ этому же времени относятся его небольшія произведенія белетристическаго и историческаго содержанія, съ которыми онъ впервые выступилъ на литературное поприще и которыя написаны имъ въ періодъ 16 — 18-ти-лѣтняго возраста.

Въ 1831 году Крашевскій поступилъ въ виленскій университетъ, главнымъ образомъ для изученія философіи и исторіи. Среди занятія этими науками, онъ съ прежнимъ увлеченіемъ отдавался литературной дѣятельности и дебютировалъ въ «Литовскомъ Альманахѣ» двумя повѣстями: «Исторія сокольскаго органиста» и «Вечеръ или приключенія парика», печатая, за время своего пребыванія въ университетѣ, какъ эти, такъ и другія повѣсти подъ оригинальнымъ псевдонимомъ Клеофаса Игнатія Пастернака. До этихъ поръ польская литература страдала совершеннымъ отсутствіемъ національной повѣсти; мы говоримъ «совершеннымъ отсутствіемъ», такъ какъ нельзя же назвать повѣстью тѣхъ жалкихъ литературныхъ упражненій, въ которыхъ воспѣвались доблести разныхъ рыцарей и героевъ, любовныя приключенія, злополучная участь двухъ любящихся сердецъ, разлученныхъ по волѣ слѣпой судьбы и т. п. вещи самаго сантиментальнаго пошиба; это были, ни болѣе, ни менѣе, какъ подражанія (да еще и плохія) романамъ Вальтеръ-Скотта, Анны Радклифъ и другихъ старинныхъ авторовъ, — подражанія, вовсе не питавшія ни умъ, ни сердце и, разумѣется, не удовлетворявшія серьезно образованныхъ, развитыхъ читателей, которые, вслѣдствіе этого, со всей жадностью набрасывались на произведенія иностранной литературы и въ особенности французской, появлявшіяся преимущественно въ переводахъ самаго плохого достоинства. Повѣсти Клеофаса Пастернака, не смотря на то, что были незрѣлы, какъ юношескіе опыты автора, составили выходящее изъ ряда обыкновенныхъ явленіе и положили начало польскому роману, возсоздателемъ котораго, безспорно, слѣдуетъ считать Крашевскаго. Услуга его, въ этомъ случаѣ, неоцѣненна для польской литературы, такъ какъ онъ, поднявъ польскую белетристику до уровня лучшихъ европейскихъ романовъ, своими художественными произведеніями вытѣснилъ изъ салоновъ и будуаровъ польской аристократіи плохіе иностранные романы, между тѣмъ, какъ въ прежнія времена польскіе паны считали почти неприличіемъ, нарушеніемъ хорошаго тона взять въ руки книгу, писанную на ихъ родномъ языкѣ. Первые опыты Крашевскаго, обнаружившіе громадный, хотя и далеко не выработанный, талантъ, обратили на себя не малое вниманіе. И по содержанію, и по замыслу, и по формѣ, они представляли совершенную новость для польской публики, которая была пріятно удивлена и яркостью красокъ, и живостью изложенія, и присутствіемъ мысли въ произведеніяхъ молодого автора, чуждыхъ всякой ходульности, напыщенности и смѣшной сантиментальности и исполненныхъ жизненной правды, рисующихъ явленія реальнаго міра, все то, что болѣе или менѣе близко каждому человѣку, ищущему въ чтеніи не пустой забавы, а эстетическаго наслажденія, серьезныхъ мыслей, разрѣшенія или выясненія тѣхъ вопросовъ, которые вѣчно волнуютъ насъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ.*)



Перехваченное письмо. Картина Шрёдера передаетъ одну изъ семейныхъ драмъ: мужъ засталъ жену за письмомъ, обличающимъ ея невѣрность; письмо въ рукахъ у мужа; испуганная жена обращаетъ къ нему молящій взглядъ и пытается отнять предательскій лоскутокъ бумаги. Экспрессія лицъ выдержана хорошо и вѣрно. Художникъ желая сдѣлать свою картину эфектнѣе, перенесъ время дѣйствія драмы къ минувшимъ временамъ, что дало ему возможность написать очень красивые костюмы прошлыхъ дней.

Время летитъ. Одно изъ самыхъ поэтическихъ произведеній лондонской художественной выставки нынѣшняго года — это безспорно та картина, копію съ которой мы даемъ нашимъ читателямъ въ нынѣшнемъ нумерѣ. Сюжетъ ея простъ: молоденькая дѣвушка провѣряетъ свои часы по солнечнымъ часамъ, на которые указываетъ старикъ садовникъ, вооруженный косой. На эти же часы смотритъ маленькая дѣвочка; въ сторонѣ стоитъ крошечный мальчуганъ, вовсе еще не думающій о томъ, что «время летитъ». Но дѣло не въ этомъ простомъ содержаніи картины, а въ поэтическомъ колоритѣ, въ прелестной обстановкѣ этого произведенія. Особенно удалось художнику выраженіе лица садовника, старчески спокойное и въ тоже время грустное.

Во время проповѣди. Эта картина, приложенная къ прошлому нумеру нашего журнала и тоже появившаяся на послѣдней лондонской выставкѣ, является полнѣйшимъ контрастомъ предъидущей картины. Она полна не поэзіи, а юмора. Эти дремлющія и скучающія во время проповѣди въ англійской церкви лица очень характерны и выхвачены изъ жизни. Поучительное слово англійскаго пастора повидимому только усыпило ихъ не произвело на нихъ никакого другого впечатлѣнія. Эта картина невольно напомнила намъ предсмертный набросокъ карикатуры недавно умершаго Шама. Каррикатура изображаетъ горячо проповѣдующаго оратора; дама-слушательница спрашиваетъ у мужчины-слушателя:— это онъ по-французски или по-латыни говоритъ?— Должно быть по-латыни, потому что спать хочется! отвѣчаетъ мужчина.

Дѣвушка съ гусями. Талантъ Л. Кнауса хорошо извѣстенъ нашимъ читателямъ и потому распространяться объ этомъ предметѣ нечего. Его дѣвушка, кормящая гусей, принадлежитъ къ числу его превосходно написанныхъ произведеній и является однимъ изъ вѣрныхъ этюдовъ съ натуры. Г-жа Абель, рѣзавшая на деревѣ копію съ этой картины по фотографическому снимку, очень удачно воспроизвела мелкія подробности этой вещи.

Кромѣ этихъ картинъ въ настоящемъ нумерѣ нашего журнала читатели найдутъ эпизодъ изъ войны англичанъ съ зулусами, о которой мы скажемъ впослѣдствіи.

СМѢСЬ.

— **Новый сѣрный ключъ.** Насъ извѣщаютъ, что въ токмакскомъ уѣздѣ семирѣченской области, туркестанскаго генералъ-губернаторства, въ низовьяхъ р. Иссыгаты, прусскимъ подданнымъ А. Бергомъ открытъ на дняхъ, случайно на охотѣ, новый сѣрный ключъ богато насыщенный сѣрою. У ключа этого теперь сдѣланъ резервуаръ и нѣсколько семей пріѣхавшихъ лечиться на иссыгатинскіе щелочные ключи перешли на этотъ ключъ. О пользѣ этого ключа свидѣтельствуютъ два случая полнаго излеченія, въ самый короткій срокъ, отъ застарѣлаго ревматизма. Температура ключа 38° по Реомюру. Мѣстною администраціею принимаются уже мѣры къ подробному изслѣдованію этого ключа и устройству около него помѣщеній для пріѣзжающихъ лечиться.

— **Пожертвованіе.** По словамъ «Молвы», на дняхъ П. К. Мартьяновъ предоставилъ въ распоряженіе литературнаго фонда 5 комнатъ съ передней и кухней, съ отопленіемъ и прислугой, для помѣщенія, по усмотрѣнію комитета, въ означенныхъ комнатахъ нуждающихся литераторовъ или ихъ семействъ. Предоставленное въ безсрочное пользованіе помѣщеніе находится на Малой Охтѣ, въ собственномъ домѣ П. К. Мартьянова.

— **И горцы сознаютъ необходимость образованія женщинъ.** Въ то время, какъ у насъ многіе «Титъ Титычи» горячо возстаютъ противъ

открытія школъ для обученія дѣвочекъ, горцы Кавказскихъ горъ просятъ объ открытіи у нихъ такихъ школъ. Кореспондентъ «Кубанскихъ Обл. Вѣд». пишетъ изъ Баталпашинска: «Здѣсь, 23-го іюля, горскія племена, живущія по Зеленчукамъ, чрезъ посредство своихъ представителей, заявили уѣздному начальнику о желаніи имѣть въ своей средѣ громатныхъ женщинъ. Изъ какихъ побужденій возникло въ народѣ отрадное стремленіе дать образованіе своимъ женщинамъ—высказано въ рѣчи, съ которою депутація представителей отъ горцовъ обратилась къ уѣздному начальнику».

— **Золотая ручка.** «Одес. Вѣст.» сообщаетъ, что полиціи херсонскаго участка, наконецъ, удалось задержать въ своемъ родѣ европейскую знаменитость, еврейку Блювштейнъ, прозванную ворами «золотою ручкою» за ея необыкновенную ловкость выворачивать чужіе карманы. Блювштейнъ—еще молодая женщина, красивая, съ довольно сносными манерами, одѣта по модѣ и съ нѣкоторымъ, если хотите, вкусомъ. Спеціальность ея заключается въ томъ, что она разъѣзжаетъ по желѣзнымъ дорогамъ и пароходамъ и осматриваетъ карманы пасажировъ, беря то, что болѣе понравится, причемъ, конечно, цѣнность составляетъ главное достоинство. Полиція накрыла Блювштейнъ именно по возвращеніи ея изъ подобной экскурсіи. Въ найденномъ при ней саквояжѣ оказались часы, серебряныя сигарочницы, перстни, кошельки, портмоне, бумажники и проч. Изъ послѣднихъ нѣкоторыя, какъ видно, не были ею еще открыты, такъ мало торопилась она подвести итоги своей поѣздкѣ. Почтенное ремесло Блювштейнъ не ограничивается карманною кражею. Сопутствуемая всегда ворами другой разновидности, она останавливается въ городахъ, знакомится въ домахъ, гдѣ высматриваетъ расположеніе комнатъ, узнаетъ привычки хозяевъ, вывѣдываетъ, куда они прячутъ деньги и драгоцѣнности, и свѣдѣнія эти передаетъ ворамъ, получая за это «львиную долю» въ добычѣ. Какъ прибыльно было это ремесло, можно видѣть изъ того обстоятельства, что когда, нѣсколько лѣтъ назадъ, Блювштейнъ была арестована въ Варшавѣ по подозрѣнію въ кражѣ, то внесла 25,000 руб. залога. Ее освободили и она, конечно, скрылась. Блювштейнъ содержится пока въ херсонскомъ полицейскомъ участкѣ.

— **Просьба о замазаніи портрета.** «Русской Правдѣ» сообщаютъ изъ Владиміра, что крестьяниномъ одного села подано преосвященному Феогносту прошеніе о замазаніи его, просителя, портрета, изображеннаго на стѣнѣ храма. Прихожанинъ представленъ Іудою на картинѣ мученія грѣшниковъ въ аду. Проситель винитъ священника, который, будто бы, поручилъ художнику изобразить понаглядпѣе нелюбимаго имъ прихожанина. Портретъ удался, говорятъ, какъ нельзя лучше.

— **Карликъ.** Въ «Хар. Вѣд.» напечатано: «Въ нашемъ городѣ живетъ своего рода феноменъ—человѣкъ, имѣющій 30 лѣтъ отъ рода, а ростомъ едва достигающій до 18 вершковъ. Субъектъ этотъ харьковскій мѣщанинъ Порфирій Евстафьевичъ Дмитренко. Онъ проживаетъ теперь въ Сергіевской гостинницѣ, что около университетской горки. Хозяинъ дорожитъ имъ, какъ слугою, честнѣе котораго трудно найти: отъ его маленькаго, проницательнаго взгляда не скроется ничто, могущее послужить во вредъ хозяину. Такою же репутаціей пользовался онъ, проживая и въ «С.-Петербургской» гостиницѣ Каповскаго. Но замѣчательнѣе всего въ немъ вотъ что: антрепренеры изъ иностранцевъ, показывающіе намъ разныя дива, не разъ предлагали Порфирію Евстафьевичу приличный гонораръ, лишь бы онъ согласился путешествовать съ ними по градамъ и весямъ въ качествѣ «феномена». Надо видѣть съ какимъ негодованіемъ это маленькое тѣльце выслушиваетъ подобныя предложенія. «Я не торгую собою, говоритъ онъ—и умру тамъ же, гдѣ и родился».

— **Усовершенствованіе телефона.** Эдисонъ придумалъ новое усовершенствованіе въ телефонѣ, которое обѣщаетъ превратить его употребленіе во всеобщее. 20 августа (1 сентября) онъ показывалъ въ саратогскомъ обществѣ естествоиспытателей опыты, превысившіе всѣ ожиданія. Безъ помощи слухового рожка тысячи присутствующихъ слышали фразы, сказанныя на большомъ разстояніи и пѣсни такъ же ясно и отчетливо, какъ еслибы говорящій или поющій находился въ одной съ ними комнатѣ. Эдисонъ имѣлъ добросовѣстность признаться, что онъ еще самъ не знаетъ хорошенько, какимъ спососомъ удалось ему произвести этотъ поразительный результатъ. Пока можно только констатировать явленіе, но онъ приложитъ старанія, чтобы изслѣдовать его подробно.

— **Лошадь, отравленная чаемъ.** Газета «Lancet» разсказываетъ о случаѣ смерти, послѣдовавшей отъ употребленія въ пищу чайныхъ листьевъ, случаѣ безпримѣрномъ въ ветеринарной лѣтописи и даже въ токсикологіи человѣческаго рода. Во время послѣдней войны съ зулусами, одинъ кафръ, служившій конюхомъ у лорда Бересфорда, найдя около палатки забытый мѣшокъ съ чаемъ, имѣлъ неосторожность насыпать чаю вмѣсто овса лошади своего хозяина. Этотъ необыкновенный кормъ былъ съѣденъ съ жадностью, но послѣдствія его оказались ужасными. Лошадь прыгала, становилась на дыбы, лягала и затѣмъ пятилась назадъ. Потомъ она принялась скакать описывая кругъ, какъ бы охваченная головокружeніемъ, она кончила тѣмъ что упала и расшибла голову о скалу. Ея страданія прекратили, приколовъ ее рогатиной. Вскрытіе трупа обнаружило, что пріемъ чая въ большомъ количествѣ причинилъ конвульсіи, параличъ нервовъ ощущенія и, наконецъ, приливъ къ мозгу.

— **Скорости желѣзныхъ дорогъ.** Въ одной нѣмецкой газетѣ было недавно публиковано о средней скорости желѣзнодорожныхъ поѣздовъ нѣкоторыхъ европейскихъ государствъ. По этой статистикѣ значится, что поѣзда между Лондономъ и Іоркомъ, и между Лондономъ и Доверомъ имѣютъ скорость 80 километровъ или 50 миль въ часъ; на остальныхъ линіяхъ поѣзда двигаются немного медленнѣе. Въ Бельгіи они ходятъ со скоростью 42 миль въ часъ; курьерскій поѣздъ изъ Парижа въ Бордо дѣлаетъ $39\frac{1}{2}$ миль въ часъ; изъ Болоньи въ Бриндизи—$31\frac{1}{2}$ мили; въ Австріи — 30 миль. Между Петербургомъ и Москвой поѣздъ дѣлаетъ 27 миль въ часъ; въ Швейцаріи поѣзда ходятъ со скоростью отъ 16 до 20 миль въ часъ.

— **Полярная экспедиція.** Американская полярная экспедиція достигла недавно Оналяски; пароходъ ея «Жанетъ» отправился дальше мимо залива св. Лаврентія къ Сибири, дабы достичь пути, по которому прошла шведская экспедиція Норденскіольда. Между прочими удобствами, которыми снабженъ «Жанетъ», находятся электрическіе апараты, усовершенствованные Эдисономъ, посредствомъ которыхъ долгую полярную ночь можно превратить въ день.

— **Цивилизація въ Китаѣ.** Китайцы начинаютъ серьезно совершенствовать свою армію. Чтобы пріучить солдатъ къ скорой и мѣткой стрѣльбѣ, ихъ заставляютъ стрѣлять по фигурамъ въ человѣческій ростъ; фигуры эти выскакиваютъ на одну или двѣ секунды изъ-за вала, а затѣмъ снова исчезаютъ за нимъ. Прежнія ружья съ часовымъ механизмомъ выведены изъ употребленія и замѣнены ружьями новѣйшихъ системъ.

— **Ловля жемчуга.** Почти весь получаемый жемчугъ добывается съ огромными затрудненіями и опасностями на берегахъ Цейлона. Въ нынѣшнемъ году ловля его была чрезвычайно удачна. Вмѣсто обыкновенныхъ 3 миліоновъ раковинъ, ихъ было наловлено 7 миліоновъ. Увѣряютъ, что если бы погода была благопріятнѣе, то уловъ былъ бы еще значительнѣе, по крайней мѣрѣ, миліона на 2 раковинъ больше.

— **Новый гигантъ моря.** 20 августа былъ спущенъ во Франціи, въ гавани Лоріанъ, новый панцырный фрегатъ, «Devastation», самый большой изъ когда-либо существовавшихъ броненосцевъ. «Devastation» былъ заложенъ въ 1876 году. Длина его у линіи погруженія 95 метровъ, ширина $20\frac{1}{2}$ метровъ, а глубина $13\frac{1}{2}$ метровъ. Два орудія находятся въ башнѣ, защищаемой броней въ 3 дециметра толщины, тогда какъ вся надводная часть корабля покрыта броней, толщиной въ 3,8 дециметра. Кромѣ этихъ двухъ орудій большого калибра, на броненосцѣ помѣщены еще 10 орудій немного меньшаго калибра. Двѣ паровыя машины, каждая въ 4,000 лошадиныхъ силъ, приводятъ въ движеніе 2 винта, сообщающіе кораблю скорость отъ 14 до 15 узловъ въ часъ. «Devastation» имѣетъ внутреннюю и наружную оболочку; пространство между ними раздѣлено на множество герметически отдѣленныхъ одна отъ другой камеръ и къ каждой изъ этихъ камеръ проведенъ насосъ, приводимый въ движеніе общей паровой машиной. Въ случаѣ поврежденія наружной обшивки, вода наполняетъ только одну или двѣ камеры, не проникая въ остальныя.

— **Болтунъ.** Одинъ извѣстный ораторъ, сидя за званымъ обѣдомъ, воскликнулъ, обращаясь къ сосѣдямъ:

— Что за болтуны эти господа! Вотъ уже цѣлыхъ полтора часа, какъ я говорю, и не слышу своихъ собственныхъ словъ, изъ-за ихъ болтовни.

— **Театры во Франціи.** Въ Парижѣ существуетъ 7 оперныхъ театровъ, 25 драматическихъ, 72 концертныхъ кафе (cafes-conserts). Въ театрахъ участвуютъ 594 музыканта и 3,290 актеровъ и актрисъ. Въ концертныхъ кафе 433 музыканта и 509 актеровъ и актрисъ. Въ департаментахъ Франціи насчитываютъ до 162 театровъ, изъ которыхъ 7 лирическихъ, 93 смѣшанныхъ (опера и драма) и 57 исключительно драматическихъ. Персоналъ этихъ театровъ въ 1878 г. простирался до 2018 музыкантовъ, 1732 оперныхъ артистовъ и артистокъ и 3665 драматическихъ актеровъ и актрисъ. Рядомъ съ этими театрами, въ провинціяхъ существуетъ около сотни концертныхъ кафе, въ которыхъ участвуютъ 600 музыкантовъ и 700 артистовъ. Въ Парижѣ 5 театровъ получаютъ субсидію, а въ провинціяхъ—27. Наконецъ, въ Парижѣ существуетъ 217 музыкальныхъ обществъ, въ составъ которыхъ входитъ 10,000 членовъ, и въ провинціяхъ основано 663 общества, имѣющихъ 30,000 членовъ.

— **Почтовые голуби.** На дняхъ въ Англіи производились интересные опыты съ почтовыми голубями для передачи метеорологическихъ наблюденій на большихъ разстояніяхъ. Нѣсколько голубей было пущено изъ порта Пензанса на берегахъ Корнвалиса, въ 12 миляхъ отъ мыса Финистере; они пролетѣли разстояніе въ 270 миль, отдѣляющее этотъ портъ отъ Лондона, въ 6 часовъ, т. е. со скоростью 45 миль въ часъ. Бури въ этой долготѣ рѣдко имѣютъ скорость свыше 30 миль въ часъ; среднимъ числомъ разсчитываютъ, что центръ бури пробѣгаетъ въ часъ отъ 16 до 17 миль; слѣдовательно, почтовый голубь всегда можетъ возвѣстить объ опасности тѣ пункты, которымъ она угрожаетъ. Почти доказано, что почтовые голуби въ своихъ далекихъ странствованіяхъ руководятся своимъ зрѣніемъ; хотя они могутъ пролетѣть не отдыхая разстояніе въ 300—400 миль, но ихъ нельзя употреблять для перелетовъ черезъ океанъ на слишкомъ большихъ разстояніяхъ отъ суши. Если пустить голубя съ корабля на разстояніи 100 миль отъ берега, то онъ долго будетъ вертѣться на мѣстѣ, отыскивая дорогу, а потомъ вернется на корабль.

ОТЪ КОНТОРЫ. № 35-й «Живописнаго Обозрѣнія» сданъ на городскую почту 8-го сентября въ 1 часъ 30 минутъ утра, на иногороднюю почту 9-го сентября въ 12 час. 30 мин. пополудни.

СОДЕРЖАНІЕ.

Издатель Н. И. Шульгинъ.
Редакторъ Д. А. Карчъ-Карчевскій.

Дозволено цензурою. С-Петербургъ, 14 Сентября 1879 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. (Вас. Остр., 9 лин., д. № 12.)